

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ВСЕ РЕКИ ПЕТЛЯЮТ МОСКВА И МОСКОВИЯ

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

Военная боевая фантастика

Сергей Калашников

**Все реки петляют.
Москва и Московия**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калашников С. А.

Все реки петляют. Москва и Московия / С. А. Калашников —
«Издательство АСТ», 2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-156896-2

Сознание нашего соотечественника и современника попадает в ребёнка, живущего в Англии в конце семнадцатого века. Героиня с родителями и группой учеников созданной её трудами школы добралась до Архангельска, где выяснилось, что планы по созданию речной империи оказались чересчур смелыми: иноземцам по землям Московии свободно перемещаться нельзя. Ей дозволено только привозить и увозить товары в Архангельск, а внутрь страны соваться категорически не рекомендовано. Так что Софье Джонатановне предстоит решить непростую задачу – подготовить местных жителей к созданию речного флота и наладить движение по рекам и через волоки, а самой сидеть на месте и не высовываться. Это в то время, когда неутомную героиню неудержимо тянет везде побывать и всё увидеть. Однако везёт тому, кто везёт. Софи категорически не готова к тому, чтобы упустить даже малейший шанс добиться своего.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156896-2

© Калашников С. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1. Царевна и царёнок	6
Глава 2. Большие дяди и маленькая девочка	11
Глава 3. Начало славных дел	15
Глава 4. Нефть или чугун?	21
Глава 5. Мокрый волок	25
Глава 6. Гадалка гадала	32
Глава 7. Бедная Лиза	36
Глава 8. Мелочная и проходная	41
Глава 9. Трудно работать царём	45
Глава 10. Будни	49
Глава 11. Сумбурная	53
Глава 12. Азов	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Александрович Калашников

Все реки петляют. Москва и Московия

© Сергей Калашников, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1. Царевна и царёнок

Мы под присмотром двух дюжих молодцев, державших в руках топорики на длинных прямых топорщах, стояли с отцом в комнате со сводчатым потолком и рассматривали её убранство. Собственно, молодцы и были главным украшением интерьера, вернее, их роскошные, отороченные мехами парчовые одеяния. То есть это рынды – царские телохранители и исполнители высочайших пожеланий, силовая структура оперативного назначения. Не знаю, кого в эту службу набирают, но если кого взащей вытолкать нужно или головы снести, они всегда под рукой.

Софи и её папенька одеты в брюки и относительно короткие камзолы. Шубы и шапки они оставили ещё в сенях, простым движением сбросив с плеч за спину и не заботясь о том, успеют ли их подхватить слуги. Мы у монархини, как-никак! Должны вести себя так, словно уверены в безупречности местного сервиса. И отец и дочь в высоких сапогах, но без шпаг, то есть как бы безоружные. Однако у каждого по две кобуры на поясе. Прямоугольные кожаные футляры не выдадут форму содержимого, потому что кроме компактного по нынешним временам револьвера должны вместить в себя припас для ещё одной перезарядки. К тому же левая кобура у каждого из нас пуста, просто висит на ремне для симметрии. А в правой кобуре мирно покоится заряженный револьвер капсюльного типа – их всего два и успели изготовить до отъезда в столицу, зато испытали от всей души.

Отец приоткрыл клапан на левом боку, достал свёрнутую трубочкой челобитную, писанную от своего имени, прочитал и вернул обратно в «сумочку». Софи повторила этот ход, только свою челобитную прятать не стала, а, опустив клапан кобуры, зажала в руке. Оба только что ненавязчиво продемонстрировали полную безоружность, имея под правой рукой по шесть заряженных стволов. Волнуются, в общем. Ну и подчеркнули действием, что сумочки у них носят бытовой характер. Не станут же гостей царевны обыскивать с перетряхиванием!

А я в ожидании встречи с самой могущественной особой этого места в нынешнем времени принялся вспоминать: что же из истории знаю о Софье? Властная. Не хотела отдавать Петру государственное кормило. Стрельцы были на её стороне. Кажется, она их ещё и на бунт подзуживала. Да, тут имел место тот ещё гадюшник! Так что нужно как-то поаккуратней с этой особой.

И вот вошла царевна. Не сказать чтобы писаная красавица, но лицо с правильными чертами. Годами примерно как наша мамуля, ростом ниже, и в теле не чувствуется гибкости, хотя это, может быть, из-за не слишком удачного покроя одежды. Русская мода тяготеет к основательности и тяжеловесности даже в дамских туалетах.

Сонька с отцом выполнили поклон, приближенный к поясному, и представились, каждый назвав себя по имени.

– И как это вы двумя кораблями сумели потопить сразу три? – не стала мучить нас немой сценой Софья Алексеевна. Зато спросила на латыни. Полагаю, проверяет на образованность.

– У нас пушки лучше, – на том же языке и в том же телеграфном стиле ответствовала Софочка. А отец одобрительно кивнул.

– Откуда они у вас?

– В Англии сделаны малоизвестным мастером, – чётко продолжила наметившуюся партию Софи.

– Сможешь привезти этого мастера сюда? – не стала ходить вокруг да около царевна.

– Не знаю, самодержица. Я ещё не пробовала, – ясно обозначила свою позицию Сонька.

– Люди видели, сколь часто и точно вы палили, – окончательно прояснила ситуацию царевна. – Говори, чего потребно для того, чтобы доставить мне этого мастера?

Сонька с поклоном подала челобитную. Она филигранно разыграла безупречный гамбит, основываясь на первом же ходе собеседницы.

– По рекам ходить желаешь? – приподняла брови Софья Алексеевна. – Зачем тебе это? Или морей-океанов уже мало?

– Люблю плавать, но на море волны страшные и до берега далеко. – Сонька состроила испуганную мордашку. – А так хочется на мир посмотреть. Доплыть до Китая, на Тихий океан полюбоваться с бережка...

Да она же просто подтроливает царевну! Кажется, до той начало доходить, что начинается своего рода торг: «Ты мне разреши свободно перемещаться по всей подвластной тебе территории, а я о мастере похлопочу».

– А ты, Джонатан, чего просишь? – перевела царевна взгляд на отца.

– Ничего не прошу. Ты звала – я явился, – ответил папенька на вполне уверенной латыни, чётко подхватив тональность Софочки. – На Москву вместе с дочерью приехал, потому что ей воевода велел. Присмотреть, чтобы не накуролесила тут по малолетству. А то она у меня бедовая.

– У тебя ведь на корабле тоже пушки хороши. От того же мастера?

– От того же. Они с Софи с детства знакомство водят с великой обоюдной приятностью, вот он и мне артиллерию поправил на свой лад ради добрых отношений с доченькой. Да и я его в доме своём привечал, оттого и был сей мастер столь любезен, – чётко усугубил папаня дочкин «наезд», давая понять, что существуют обстоятельства, которые превыше монарших хотелок.

– Ступайте, – вдруг сделала отвергающий жест царевна.

Похоже, беседа с нами не пришлась ей по душе.

* * *

«Так в чём дело, внутренний голос? – пытала меня Софочка по дороге на выход из кремлёвских палат. – Что это такое произошло с Софьей Алексеевной? Отчего она так поступила? Почему прогнала нас столь внезапно?»

«Думаю, дело в том, что мы выпали из привычных ей схем. На службу не просились, жалованья не требовали, а предложили то, что ей самой надобно. Согласись, морская торговля России нужна. И внутренняя транспортная связь – тоже. Уж кто-кто, а правительница это понимает лучше всех. Хорошо, что отец не стал свою челобитную подавать, а то окончательно свернул бы бедной женщине мозг. Ведь наверняка сама репу морщит, как бы товары русские подороже сбывать напрямик там, где они в хорошей цене. Если бы увидела ходатайство о дозволении вывозить их морем вместе с купцами-хозяевами, заподозрила бы подвох. Она ведь большая умница, эта царевна. Жалко, что верующая».

«А при чём здесь вера?»

«Так попы местные много власти забрали. Над умами людскими и над помыслами властительскими. Даже вон раскол у себя учинили. Не знаю я, в чём там закавыка. Припоминаю, спорили они про то, сколькими пальцами креститься следует».

«Ты-то тремя перекрестился на икону», – напомнила мне реципиентка.

Надо же, а я и не обратил внимания на собственную выходку, потому что это, то есть поступать как все окружающие, уже стало для меня рефлексом: увидел образа – сделал одухотворённую мосю и осенил себя крестным знаменем. Сонька, кстати, не противится. Поняла, что это для местных словно сигнал «я свой». Она в вопросах мимикрии всегда следует за подругой своей – Мэри.

* * *

Соньке тринадцать. Пётр Алексеевич, насколько я высчитал, парой лет старше. То есть ему или пятнадцать, или четырнадцать.

Откуда такая неуверенность? Загвоздка в различиях летоисчисления. На Руси нынче время отсчитывают от сотворения мира, то есть сейчас здесь идёт семь тысяч какой-то год. А в Европах считают от Рождества Христова. Кроме того, что имеется различие в юлианском и григорианском календарях то ли в двенадцать, то ли в тринадцать дней, так ещё и год в каждой стране начинают по-разному – кто с марта, а кто и с сентября. Так что запутаться проще простого, если не сесть с бумажкой и не провести подробные выкладки.

Так вот, начинать вычисления мне нынче недосуг, потому что в нашей гостиничной гостиной сидят на диванчике бедро к бедру юный долговязый царь Пётр Алексеевич и Лиза-Рисовальщица, склонив головы над распахнутой папкой с эскизами, набросками и прочей графикой, и водят пальцами по листам.

– Здрав будь, герр Питер, – брякнул я машинально, припомнив, как этот человек велел к себе обращаться... во много более зрелом возрасте, причём в кинофильме.

Подросток поднял голову и ответил по-немецки. Ни я, ни Софи ничего не поняли, потому что ни «Гитлер капут», ни «хенде хох» сказано не было.

– Ихь шпрехе дойче ниht, – откликнулся я рефлексивно. – Можно на латыни общаться, или давай перейдём на русский.

– Изрядно горазда дочь твоя, Агата Кристобальевна! – послышался голос из-за стола, где матушка потчевала вином представительного мужчину, одетого, на мой взгляд, в стиле польской шляхты, то есть в богато отделанный кафтан из драгоценной ткани. Говорил он на латыни, но имя произнёс по-русски.

– Приятно слышать, Борис Алексеевич! – с улыбкой ответила маменька, после чего познакомила меня и папу с гостем – князем Голицыным, воспитателем подрастающего будущего императора.

Пока шёл обмен любезностями, я судорожно вспоминал, кто этот человек. Вот не помню я о таком... конкретно. Хотя этих Голицыных всегда хватало – хоть сколько-то, но было на слуху в любой исторический период.

Теперешний фаворит царевны тоже Голицын – это у меня уже свежая информация из нынешних времён. Так тот, ещё один Голицын, который Василий Васильевич, чуть ли не правителем считается, потому что в разумность женщин современники моей реципиентки категорически не верят, а в то, что её ближайший сподвижник куда мудрее уже потому, что носит штаны, верят.

Пётр же, про которого, естественно, никто не забыл, поднялся с дивана и обратился к Софи:

– Ты настоящий корабль по морям водишь?

– Да, государь, – ответила на этот раз Софочка.

– Покажешь.

Это был не вопрос, а повеление. Сонька исполнила книксен, что в высоких сапогах и брюках выглядело чересчур прогрессивно.

Я принялся вспоминать всё, что помню о юношеских и подростковых годах будущего Петра Великого. Не так уж много. Потешные полки, ботик, пальба из пушки и штурм игрушечной крепости. Всё это без привязки к датам и без имён участников событий. Позднее, повзрослев, этот человек интересовался множеством профессий, напряжённо учился, энергично добиваясь исполнения задуманного. Даже окно в Европу прорубил, перелив церковные

колокола в пушки. Значит, с металлом в стране было напряжённо. И это лет через пятнадцать, если отсчитывать от сегодняшнего времени.

Отсюда вопрос: чем занимаются Строгановы, которые настолько богаты, что могут позволить себе заказывать предметы роскоши прямиком из Голландии? Там ведь, кажется, даже оконное стекло было в грузе. Хотя я точно помню: Урал, на который эти Строгановы опирались, был для России источником и меди, и железа.

А пока мне остаётся только сетовать на то, что историю этого периода знаю слишком поверхностно. Так я в эти времена и не собирался попадать. Как и в другие, впрочем. И вообще попадать.

Пока я копался в воспоминаниях, будущий царь, который пока только заготовка монарха, наслаждался обществом не слишком скованных девочек. Его спрашивали о ремёслах, которые он осваивал, делая при этом достаточно содержательные замечания и интересуясь деталями выполнения отдельных операций.

– Ах! – хлопнула ресничками малышка Кэти. – Строгать рубанком широкие доски – это очень тяжело. Железка всё время норовит «отпустить» стружку и проскользнуть вперёд. Мальчишки смеются надо мной, говорят, что нужно больше кушать. А я кушаю, но не толстею и не делаюсь сильной и тяжёлой. Но на шкафу уже семь раз подтягиваюсь. И отжимаюсь восемь. Но работать на токарном станке по дереву мне не позволяют.

– Ну да, держать резец нужно крепко, – поддержал нашу манюню Пётр и перевёл внимание на изучение Лизиних рисунков. – Так для чего эта палка?

– По ней скользит передняя кромка паруса, когда его поднимают, – пояснила Консуэлла. – А какими ещё ремёслами ты занимался?

Идёт обычная процедура знакомства школяров с новичком. Парнишку спрашивают об интересах, о навыках – прицениваются к предстоящему сотрудничеству. Так уж сложилось в нашей школе за многие годы, потому что после грызения науки за партой с этим человеком, возможно, придётся один сортир чистить. Или держать оправку, по которой он ударит молотом.

Но в данный момент меня интересует не венценосный недоросль, а его спутник, который теперь общается с нашими родителями на вполне разборчивом английском. Оказывается, этот человек не только служит дядькой при подрастающем государе, а ещё и возглавляет Иноземский приказ. Тот факт, что он привёл Петра на Кукуй, наводит на мысль, что воевода архангельский известил о нас не только прямое начальство, царевну, но и родню – вдовствующую царицу. Остаётся понять: мы идём по разряду диковинок или кому-то что-то из-под нас нужно?

– Мы сегодня, когда папа с Софи ходили подавать челобитную, засекали прохождение Солнца через меридиан и отметили по деревянным часам истинное местное время, – сообщила Кэти. – А сейчас Луна показалась, причём стоит довольно высоко. Пойдёмте измерять долготу.

Подхватив под локотки нашего юного гостя, девочки повлекли его на двор.

– Профессор, – попросила от двери Лиза, – засеки, пожалуйста, время, когда снежок ударится в стекло.

– А почему нельзя взять часы с собой? – не понял Пётр. – В них же нет маятника. Они с хода не собьются.

Да, у мальчика живой ум, и энергии ему не занимать. Лёгко он на подъём, но серьёзной физико-математической подготовки не имеет. Упс! Я это вслух сказал? А то наш гость как-то странно посмотрел в мою сторону.

Князь Голицын продолжал разговаривать с родителями, перескакивая с темы на тему: о погоде, о последних новостях отовсюду. Ничего примечательного упомянуто не было. Вернувшийся со двора Пётр норовил отколупать что-то от секстанта – хотел узнать, что там у него внутри. Кэти чуть в драку не полезла, защищая свою любимую приبلуду. Лиза взяла новый лист бумаги и быстро набросала эскиз, пояснениями к которому и занялась компания, демонстрируя отдельные возможности инструмента так, чтобы это обошлось без процедуры вскры-

тия. Мэри смиренно присутствовала, подавая вино и ничем себя не проявляя, – прикидывалась служанкой. А Софи пыталась вникнуть в смысл разговора взрослых, в чём не преуспела в связи с отсутствием такового. Хотя мысленно переводила для меня с латыни содержание отдельных фраз, которые то и дело вставлялись в беседу.

До меня постепенно дошло, что папа с мамой, рассказывая о чудесном крае, именуемом Ямайкой, создали ощущение непринуждённости и перевели тему на воспоминания о том, как в тёплых солнечных землях подрастала общительная девочка Агата, которую ласковые, но строгие родители учили не только играть и носиться с детворой, но и языкам, истории, музыке. Наш гость, с удовольствием вкусивший прекрасных вин и сделавшийся разговорчивым, поведал о младенческих и детских годах всё ещё юного царя, которого тоже учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь, не углубляясь особенно в занудливые тонкости, дабы у мальчика оставалось достаточно времени на проявление склонности к подвижности и любознательности.

Взрослые болтали о детях с обычным для них умилением. Помянули и царевну Софью, которая в учёбе была заметно прилежней и настойчивей – постигала многие премудрости у человека учёного и авторитетного, назначенного ей в учителя. Борис Алексеевич старше нынешней самодержицы считанными годами: её отрочество совпало с его юностью и началом придворной карьеры. Гость очень выпукло нарисовал образ заметно отличающейся от своих многочисленных вялых и болезненных братьев и сестёр живой и любознательной девочки, которая стремилась выучиться и помогать папеньке-царю Алексею Михайловичу в делах государственных. Ведь отец её, хоть и был прозван Тишайшим, и в военные походы армии водил небезуспешно, и преобразования внутри государства начинал.

Что уж там во благо было, что во вред, теперь и не поймёшь: помер государь, дел до конца не доведя. А правивший вслед за отцом брат Софьи Фёдор к проведению изменений в стране рьяности не проявил. Да и кому охота лаяться с боярами, которые и есть опора трона? Их и имеющееся положение вещей устраивает.

Папенька с маменькой проявляли всяческую заинтересованность, поскольку имели дело с важнейшим источником информации – человеком из верхних эшелонов власти, увлечшимся отличными винами. Мы напряжённо усваивали информацию, мало отвлекаясь на общение младших сестёр и Рисовальщицы с будущим Петром Великим. И только когда среди подростков пошла речь о том, как Софи порвала задницу недобросовестному французскому покупателю, родители вспомнили, что детям пора спать. А то как-то они чересчур разошлись, перестав проявлять подобающую встрече на столь высоком уровне сдержанность.

Глава 2. Большие дяди и маленькая девочка

Мы оказались в несколько неопределённом положении. С одной стороны, после бесплодного хождения по инстанциям, именуемым нынче приказами, удалось выяснить, что подавать челобитную нужно царевне при её выходе к народу. С другой – так дело повернулось, что это самое прошение удалось вручить прямо в руки, да ещё и убедиться: главное лицо государства с его содержанием ознакомилось. Даже вопросы уточняющие лицо задало, а это, между прочим, просто за пределами высокая честь для каких-то никому не ведомых приезжих.

С третьей стороны, стало окончательно ясно: воевода архангельский направил нас сюда в качестве диковинок, чтобы потешить и собственное прямое руководство – царевну, и свою высокопоставленную родственницу – двоюродную сестру и вдовствующую царицу в одном лице. Поверх этого накладывается интерес к нашей пушечке, посредством которой столь успешно были лишены парусов неприятельские корабли.

Словом, ситуация непрозрачна. А мы остаёмся в подвешенном положении под колпаком у сильных мира сего, которым наши надежды и чаяния глубоко по барабану. К такому выводу пришёл семейный совет Корнов, проведённый в несколько расширенном составе.

Заодно и план действий наметили, пока не выяснится, примут в отношении нас какое-либо решение или забудут из-за более важных дел. Второе наиболее вероятно, но требует некоторого времени: нам ведь не доложат, что уже позабыли! И его, это самое время, следует провести с максимальной пользой – собрать сведения, имеющие для нас стратегическое значение. Тут всё-таки столица, где много людей, немало знающих. Основные направления – знакомство с соседями по Кукую и болтовня с ними обо всём на свете. Этим займутся старшие.

Ну и хождения по торговым местам: нужно, наконец, прояснить – откуда здесь берутся металлы? Потому что без них нам тут будет кисло, ведь созданное длительными трудами техническое превосходство без них реализовать не удастся: машиностроение – металлоёмкая отрасль. Здесь уже потрудятся младшие.

* * *

Немецкая слобода, или Кукуй – это загородная деревенька, почти сплошь застроенная деревянными домами, хотя и каменные постройки встречаются не так уж редко. Большинство её обитателей – люди военные, отправляющиеся по утрам к местам службы. На санях, верхом или пешком порядком: путь до Москвы отсюда недалёк. И башни кремлёвские видны, и колокольни.

Стайка девочек, одетых снегурочками, ничего особо примечательного собой не представляет. Ну в приталенных шубках, ну в отделанных мехом шапочках – так подобным образом одеваются сейчас в холодную снежную пору многие девицы из зажиточных семей.

Выпорхнули из саней и рассыпались по торжищу. По лавкам ходят, прицениваются, расспрашивают о происхождении товара. Почему без мужского сопровождения? Да кто ж их, этих немцев, поймёт? Может, они в меховых муфточках кистени носят? Вон, когда крицу разглядывали, засапожником её поцарапали. С другой стороны, тут, практически под стенами Кремля, не особо-то озоруют: стража ходит и за порядком присматривает. Опять же, пока эти малявки не заговорят, признать в них чужестранок не получается. А ввязаться к местным девчатам не каждый отважится: заступиться за своих может любой. И кто в этой толкучке кому кем приходится, разве угадаешь?!

Вечером обе разведгруппы обменялись полученными сведениями. Более всего озадачило нас положение иностранцев в России. Их и желают здесь видеть, и побаиваются слишком им доверять: чужие они, иноверцы к тому же. Неправославные, одним словом.

– Я покрещусь по православному обряду, – вдруг заявила Мэри. – Не прямо сейчас, но уже скоро.

С девицей всё понятно: за Ивана замуж собирается.

«Сонь! Давай и ты крестись в православие. Тебе же по барабану, как в бога верить», – подумал я для Софочки и получил по мозгам. Кажется, для неё в этой сфере имеются и дополнительные обстоятельства, с которыми меня не ознакомили.

– Дома иностранцев не так давно были разбросаны по всей Москве, – доложил отец. – Но тридцать пять лет тому назад их все разобрали и перенесли сюда. Полагаю, чтобы удобнее было за нами присматривать. Но забором не обнесли и стражу не приставили. Однако иноземцам не рекомендуют без разрешения ездить куда попало. Не для того их в одну кучу сгоняли, чтобы разбредались во все стороны.

Люди здесь, в Немецкой слободе, собрались по большей части в чём-то неудачливые, не добившиеся успеха на родине. Преимущественно военные-наёмники. Не одни они, конечно. Кто-то пиво варит или ремеслом своим занимается. Сюда после религиозных передраг в Европе немало народу перебралось, чтобы избежать преследований на почве веры. И конечно, здесь есть ловкачи, ищущие, как бы обогатиться не самым честным путём. Тех, кого пригласили ради их мастерства, совсем мало. За этих людей заступаются покровители и обычно забирают умельцев в другие места, где требуются их навыки.

– То есть мы угодили в посёлок неудачников! – удивилась Софи.

– Здесь они перестали быть неудачниками, потому что освобождены от повинностей и, кажется, налогов, – улыбнулся папенька. – Я в этом пока не до конца разобрался в связи с тем, что недавно в системе поборов произошло какое-то изменение, и пока ещё не всё окончательно устаканилось. Поговаривают, будто бояре недовольны царевной. Мол, книги при её старшем брате велели пожечь, в которых их роды по древности перечислены. А сама она посадских людишек от многих выплат избавила. Дума боярская об отмене внутренних таможен волнуется: многие ведь всё ещё по старинке обкладывают проезжих купцов сборами мостовыми. Пусть и по малой денежке с воза, но в длинном пути не одну реку приходится пересекать, отчего купцам лишние расходы, которые потом покрываются взвинчиванием цен. Так что Софья Алексеевна явно пытается хоть что-то изменить к лучшему, но у неё уже намечаются проблемы с поддержкой среди ближнего окружения.

– Не поняла! – вылез я с вопросом через Софочкины уста. – Николаас Витсен столько материала о стране собрал! Такие карты у него подробные и пространные! А сколько сведений о народах, населяющих пределы этой огромной страны! Как же мог он сделать это сидя здесь, на Кукуе?

– Не стоит путать официальное лицо иного государства с отщепенцами и неудачниками, ну и с искателями приключений. Такие, как они, да и мы заодно, проходим по ведомству Иноземского приказа. А Витсена обслуживал Посольский, – продолжил разъяснять диспозицию отец. – Но полагаю, что в поездках человек, присматривающий от того же самого приказа, при Николаасе обязательно состоял. Проводник ли, толмач или какой-то сопровождающий чин вроде стряпчего. Кстати, так здесь называется дворянин из числа младших служащих. Дальше идёт стольник, потом окольниковый и, наконец, боярин. Каждый из них может ещё дополнительным словом характеризоваться, но эти детали местным обитателям известны без особых подробностей. Стольник, например, бывает комнатным, а боярин – думным.

– Получается, что без сопровождения мне по рекам ходить не позволят, – сделал я заключение вслух. – А назначать сопровождающего из числа служащих – слишком великая честь.

Значит, придётся немного корректировать планы. Потому что, в принципе, металлы здесь выплавляют.

– Медь из-за Камня везут, то есть с Урала, – как бы продолжая мою мысль теми же устами, сменила тему Софи. – Железо тоже с Урала, с казённых заводов. И ещё из Тулы. Причём из Тулы приходит чугун. В Архангельске я его не встречала, потому что доставлять нужно изда-лека, и непонятно, кому и зачем он там нужен. А тутошные цены вполне приемлемы. Откуда поступает олово, выяснить не удалось. Оно, как и свинец, на Москве довольно дорого. Я сравниваю с Англией.

– Полагаю, будет полезно завести здесь домик, – вступила в разговор мама, меняя направ-ленность беседы. – Нас тут налогами не обладывают, за веру не преследуют, к суду не при-влекают. Можно тихо сидеть и никого не трогать. Присмотрю, пожалуй, что-нибудь скромное, чтобы не выделяться на фоне соседей. В крайнем случае можно будет перевезти сюда с Ямайки папу с мамой, чтобы смогли достойно встретить старость, порадоваться за внучек и дожидаться правнуков.

Что-то миссис Корн погрузилась в философское расположение духа. Или напонила, исходя из каких соображений мы принимали решение о создании в России запасного аэро-дрома. Так вот, найти убежище здесь, на Кукуе, оказалось просто. А дочкины хлопоты о заво-евании мира – просто милое дополнение к уже достигнутому. Не стоит, право, особо задумы-ваться о таких пустяках, как нехватка металлов или ограниченность в свободе перемещения.

Да, во время совета в Филях, как после моего несдержанного замечания стали называть дедушкину гасиенду, именно об этом и шла речь.

Тук-тук – постучали в дверь.

– От князя Голицына посланец с посланием, – доложил гостиничный служка и подал конверт.

Соньке подал, причём не трубочку бумажную, в которые частенько скатывают бумаги, а именно конверт, запечатанный восковой печатью. Хотя и не современного мне вида, а лист, сложенный так, чтобы два края сошлись посередине сплошной части. Тут как раз и место, на котором оттиснут мудрёной формы вензель, скрепляющий письмо.

– Это другой Голицын, не вчерашний, – объявила моя хозяйка. – Просит к себе пожало-вать. Пап! Проводишь?

– А кто же ещё? – улыбнулся отец. – Собираемся.

– Экипаж ждёт у крыльца, – внёс окончательную ясность гостиничный служитель.

Он ни на секунду не усомнился в том, что приглашение самого могущественного муж-чины страны не останется непринятым. Дело в том, что позвал нас Василий Васильевич, кото-рый сейчас является хранителем царской печати. Аналог канцлера или премьер-министра, если привести понятие к современным мне категориям.

* * *

Несмотря на уже наступившую темноту, дом, куда нас доставили, был отлично виден: как-то его умудрились осветить снаружи, несмотря на отсутствие электричества. Большой, многоэтажный, с блестящей крышей. Слуг – целое сонмище, и одеты они по единой форме на европейский манер. Просвещённость и западность просто лезут в глаза, каждой деталью подчёркивая изысканный вкус хозяина и его состоятельность.

Разумеется, князь не ждал нас на парадном крыльце с хлебом-солью – слуги провели двух капитанов через анфиладу комнат и оставили в библиотеке, попросив подождать. Софи, пройдя по проходам между книжными шкафами с – вы подумайте! – застеклёнными дверцами, выбрала себе томик и возложила его на пюпитр для чтения, начав перелистывать.

– Мисс знает немецкий? – прозвучал мужской голос.

– Цифры нынче на всех языках пишутся одинаково, – ответила моя хозяйюшка. – А чертежи наглядно поясняют то, к чему они предназначены. Это про геометрию. Знаете, князь, этот труд было бы полезно перевести на русский и издать в качестве учебника. Более толкового изложения идей Эвклида мне не встречалось, да и развитию их уделено немало внимания. Меня зовут Софи. А это мой батюшка Джонатан.

– А я тебе говорил, Вася, что смутить эту девицу не так-то просто. – С уже появившимся рядом с нами Василием Васильевичем из прохода показался знакомый нам со вчерашнего вечера Борис Алексеевич, который тоже Голицын.

То есть мы – диковинка, которую демонстрируют узкому кругу лиц. Девица, столь юная годами, проявляющая образованность и разумность, в эту пору, несомненно, редкость. Хотя по политесу подчёркивать это не принято. Особенно в стране, где правит женщина.

– Чем могу быть полезна? – вслушавшись в мои размышления, посуровела Софи.

– Как раз этот вопрос и волнует меня, милая Софи, – как ребёнку улыбнулся князь Василий. – Этот ваш корабельный двор в Архангельске... Сможет ли он строить корабли для хождения вокруг Скандинавии?

– Если это кому-нибудь будет нужно, – всё так же сурово ответствовала моя реципиентка. – Те же поморские кочи, которых в тех краях строят немало, способны к походам подобного рода. Но до Европы не добегают. Следовательно, это и не требуется.

Князья переглянулись.

– Право, в таком разрезе я и не мыслил. Разве эти кочи достаточно велики для столь длительного плавания?

– Они до Мангазеи хаживали морями, где и летом встречаются льды. А уж по чистой-то воде отчего бы им не обогнуть полуостров, берега которого поморам отлично известны? – пожалала плечами Софи.

– Так отчего же? – продолжил расспросы князь Василий.

– А не к тебе ли должен адресоваться подобный вопрос? – откровенно разозлилась моя хозяйюшка. – Я тут без году неделя, а ты здесь вырос.

– Да, ты бы поаккуратней с этой девицей, Вася, – насмешливо проговорил Борис Алексеевич, который явно был навеселе. – Не все вопросы дамам задавать прилично.

– Интересно, а какие же ещё вопросы ты хотела бы мне адресовать? – насупился главный боярин государства Российского.

– Зачем царевне Софье пушки? – не утерпел я.

– Затем, что по условиям международного договора, закрепившего за нами Киев и Смоленск, мы должны начать войну против Крыма.

– Планово провальный поход? – продолжил наезжать я, поскольку отлично помнил: этот полуостров завоюют примерно сотней лет позднее, при Екатерине Великой. Следовательно, нынче просто утрутся.

– Почему это обязательно провальный? – явно начал закипать князь Василий. – Тебе что, открыты тайны грядущего?

– Мне открыты географические карты, – попытался напустить туману я, чтобы избежать перехода разговора на скользкую дорожку. Дело в том, что об этом походе я ничегошеньки не помню. То есть совсем. Даже о самом факте, что таковой состоялся, услышал впервые. Сболтнул лишнего и теперь вынужден выкручиваться. А вот что я помню отлично, так это пустынный пейзаж за окном поезда, везущего меня в Крым. Кажется, это называется «сухая степь».

– Ты ступай, Софьюшка, – ласково обратился ко мне князь Борис. – А Васе нужно выпить успокоительного. Токайское отлично поможет против гневливости.

Глава 3. Начало славных дел

Домик на Кукуе мы купили деревянный, заметно «поношенный», но не развалюху. На подворье конюшня и сараи – каретный и дровяной. До берега Яузы, с которой носят воду, рукой подать. Других дел на Москве у нас больше не оставалось, все сильные мира сего уже взглянули на заморскую капитан-девицу.

Присматривать же за столичным жильём оставили Лизу. Как-то я стал замечать, что эта девушка пользуется расположением и сочувствием маменьки. Может быть, из-за неурядиц в семье нашей Рисовальщицы? Или из-за спокойного покладистого характера и склонности к тихим занятиям? Не вникал. Но сообразил, что как раз ради этого и взяли мы её с собой в столицу – миссис Корн умеет планировать.

Возок, в котором якобы везли припасы, тоже остался на Кукуе: его затащили в каретный сарай. А в нём – утварь домашняя и всякое-разное для хозяйства. То есть это было своеобразное приданое – не голой и босой девицу оставили, а при всех нужных вещах. Что же до остального, так она, между прочим, не кисейная барышня, а дочь крестьянская. Уж разберётся как-нибудь с немудрёным домашним хозяйством.

Подорожную до Архангельска нам выписали в Иноземском приказе сразу, едва Сонька предъявила грамотку о дозволении воеводы тамошнего строить корабельный двор. Новый год мы встретили в обратной дороге, только вот этот лучший из зимних праздников нынче не отмечают. И мы тоже не отметили. Доехали опять быстро и занялись делами насущными.

На папин флейт смонтировали шестидюймовый калильный двигатель и установили тягловитый винт. Это тот, который с малым шагом. И больше ничего серьёзного, кроме гика и гафеля бизань-мачты, не переделывали. Наша передовая конструкция прошла достаточную обкатку на шхуне и была признана годной в тираж.

Зато саму шхунку опять крепко переделали. Подняли грот-гик, чтобы устроить над рубкой крышу. Приподняли основание пушки, чтобы от пороховых газов при стрельбе не коробился планшир. Сделали два туалета со смывом, такие бы и на подводной лодке заработали. По этим временам – настоящее чудо техники. Хай-тек, так сказать. Латуни на это извели страсть как много. Хорошо хоть не из золота унитаза отлили.

Перестелили нижнюю палубу – доски положили не вдоль, а наискосок в два слоя перпендикулярно друг другу, проклеив резиновым клеем, которого после получения бочки каучукового молочка изготовили несколько вёдер. А вот на верхнюю палубу нам этого добра не хватило, снова она будет подтекать. Зато чуть ниже ватерлинии образовалась пластина толсто-слоистой «фанеры», придающая корпусу изрядную меру жёсткости. С грот-мачты убрали рей прямых парусов, вместо которых между гафелем и оставшимся свободным участком высоты коробчатого дерева растянули треугольное полотнище.

Признаться, мне и самому хотелось бы выйти в море на этом чудесном судёнышке. Что тут говорить о Соньке, которая чуть не выла от тоски, понимая: теперь ей придётся остаться на суше, чтобы заложить основы собственной империи. Да, планов по захвату власти над миром она не оставила. И на пути их осуществления требовался серьёзный прорыв – необходимо было до начала навигации на реках подготовить из местных жителей группу шарманщиков, как нынче именовали мотористов. Нашим-то проверенным в деле парням-школярам придётся сидеть тут, рядом с корабельным двором. Конечно, дел им хватит, но отправлять колёсные шарманкоходы за тысячи вёрст от базы хотелось бы с проверенными механиками, понимающими, с чем они имеют дело.

Одним словом, работать с группой пришлось мне самому. На производстве уже было задействовано два мотора: один на вращении валков, второй – на лесопилке. Имелись и не собранные ещё двигатели, и даже некомплектные, детали которых находились в стадии изго-

товления. Тут ведь приходилось и через руки доносить информацию, и через уши. А физико-математическая подготовка у курсантов отсутствует напрочь.

* * *

– Так это, Софья Джонатановна! – толковал вернувшийся зимним путём Сила Андреич. – Есть ход, про который мне Иван втолковывал. А он говорил, что от тебя получил... эту... инструкшн. Как оно по-русски?

– Пусть и будет инструкцией, – кивнула Софи.

– Так показал мне охотник, где на берестянке можно пробраться до речки, ведущей в Волгу. Ещё по низкой воде, до начала осенних дождей. Потом полторы версты лодку нужно нести, а уж затем снова мелкой водой по узким ручьям до самого Солигалича путь имеется и ни в какую сушь не пересыхает. Но барку там не протащить. Глубины с аршин, а ширины иной раз и двух саженей нет.

– Ты чего так долго не ворочался? Просеку, что ли, делал?

– Просеку да, прорубили, стволы на брёвна распилили по этой вашей мерке, которая десять футов или три мера мерических, а уже как реки встали, прошли с пилами вдоль русел, по которым твои лодки пойдут, и деревья, в воду попадавшие, спилили.

– Отлично, дядя Сила. Денег-то хватило расплатиться с рабочими?

– Денег? Так не платил я и не нанимал, сам всё с сынами сделал, чтобы, значит, деньги все нам достались.

– А вот за это тебе моё категорическое хозяйское ай-яй-яй, – погрозила Софочка мужику пальчиком. – Ты на работу лоцманом принят, а не лесорубом. Мне твои знания надобны и опыт, а не стремление к превозмоганию. Я полагаю, если бы ты, вместо того чтобы жадничать, нанял ватагу из местных, быстрее управился бы. А мне тебя сейчас что, рвать на пять кусочков прикажешь? Ведь столько дел впереди! – Софи разложила на столе карту. – Место это голландцы назвали «Котлас».

– Бывал я там. Как раз у впадения в нашу Двину реки Вычегды. Крещёные зыряне в том месте живут.

– Вот и хорошо, что живут. Но тебе ещё нужно провести две баржи от Архангельска до Вологды, как только начнётся навигация, и показать ту дорогу, которую разведаль. Ведь без проводника её не отыщут.

– Не отыщут. Места там кромешные – сплошные болота кругом. Так барки твои до Вологды доведут сыны мои. Дорогу к просеке меж речками дочка укажет, а я поеду к зырянам. Зачем, говоришь, ехать-то туда?

– Нужно ещё один двор ставить: не морские корабли ремонтировать, а речные суда строить. Но сначала поставить навесы и сложить в них лес на просушку. Много навесов и много леса на многие годы. Так что поручаю тебе договориться с местными властями и сделать всё без обману. Взятку там дать или подкупить кого, то есть по-честному, без вранья. Ты же здешний человек, с тобой церемониться особо не станут, а все сразу обскажут без обману.

– Так мне что, приказчиком в те места садиться?

– Сама не знаю, – вздохнула Софи. – У меня наметился жутчайший кадровый голод на руководящих позициях, – постарался внести ясность я. – Нужны люди надёжные и распорядительные, да чтобы оборотистые и цель понимающие. А вон даже ты, уж на что толковый муж, а и то из-за жадности ценное время упустил.

Сила Андреич досадливо крякнул и запустил ладонь в бороду.

– Прогонишь? – спросил он опасливо.

– Даже не надейся! Мне-то, как оказалось, из Архангельска, кроме как в море, никуда ходу нет. А столько дел нужно наладить по разным местам! Придётся тебе крутиться. Я бы Ивана послала, но он здесь на своём месте, – продолжил наезжать я.

* * *

Оставшееся до начала навигации время утекало словно песок между пальцами, а отец внезапно увлёкся стрельбой из арбалетов. Их, как выяснилось, из огромного многообразия придуманных за годы вариантов конструкции и после бессчётного количества проверок школяры отобрали и растиражировали три образца. Классический, тетиву которого натягивали двумя руками, наступив ногой в стремя впереди. Сложно-механический, который натягивали движением руки от себя вниз, после чего доводили, возвращая этот рычаг снизу к себе. Таким пользовалась Кэти, хотя сделан он был группой старших товарищей. И ещё полиспастный с роликами на рогах, натягивавшийся одной рукой длинным движением с почти постоянным усилием.

Боевые качества у всех у них были похожими, болты – одинаковыми, а скорость «снаряда» лишь немногим больше сотни метров в секунду. Тем не менее после некоторой тренировки попадать из них можно было на дистанции около ста метров – отдельные искусники умудрялись. А в среднем метров с пятидесяти почти никто не промахивался. Собственно, не самая большая мастерица стрельбы наша младшенькая именно это и продемонстрировала на зимней дороге по волкам.

А теперь папенька сделал большой заказ на эти детские игрушки. Пришлось раскладывать процесс на операции и срочно включать поточное производство. Задержка оказалась за материалом для плеч луков, но и этот вопрос решили, насушив заготовок в песке на печи, которую специально для этого построили: она немудрёная и небольшая. Некоторый дефицит с металлами закрыли, достав из балласта флейта и шхуны уложенные туда пушки и ядра. Заменяли их местными камнями.

Потом открылся конкурс среди здешних купцов на наполнение трюмов двух судов товарами для Европы. На этот раз грузом была не пенька, а юфть тюками, мёд бочками, воск в берестяных туесах и поташ в мешках. Не меха, конечно, но субстанции, требующие большей деликатности. Почему-то их хотели доставить в Копенгаген. Всё это пошло на «Агату», а «Энтони» загрузился льном до Антверпена. На оба кораблика приняли из числа поморов по полдюжины ребят в матросы.

У нас подошли к концу абразивные круги, поскольку и Горшечник, и Горшечница остались в Англии, а без них мы с местными глинами не разобрались. Да и не накопишь много из-под снега. И наконец, «скозлил» водомётный движитель на меньшей из лодок. Пришлось срочно переделывать корму под колёсный привод. А река уже вздувалась, лёд трещал. Мои недоучки запероли двигатель лесопилки: всё-таки преподавание на скорую руку сильно отличается он систематического усвоения знаний. Тем не менее подготовка к публичному дебюту продолжалась.

Завершился бурный период ледолома, прошедший с заторами, треском и изменениями уровня воды, и в середине апреля река очистилась. На море же, начавшем терять целостность ледового покрова, плавучих льдин всё ещё оставалось много – поморы, ходившие на промысел, рассказывали. От Архангельска этого не разглядеть.

В один из ясных дней с утра пораньше из Соломбальской протоки вышли в Двину три колёсных судёнышка и, шустро пройдя перед очами всего города, двинулись вверх. Тяжело груженные, они низко сидели в воде, но передвигались бодро, энергично взбаламучивая воду. Две двенадцатитонки, остроносая и тупоносая, и семиметровая трёхтонка. Операция по захвату мира наконец-то началась.

Возглавлял экспедицию Иван, хлопоты которого здесь, на корабельном дворе, легли теперь на плечи Софи. Увы, таковы здешние законы, не позволяющие иностранцам без разрешения разезжать где им вздумается. Но реципиентка моя всё та же непоседа, что и семь лет тому назад в день нашего знакомства. Она просто не может остаться в стороне от ответственной операции, заложенной в основу большинства наших великих планов. Поэтому на четвёртом моторизованном судне – том самом карбасе, что был заказан ещё в день осмотра места под строительство, – отправилась напрямиком в Белое море якобы на разведку ледовой обстановки. Днём.

А ночью тихонько проскочила обратно вверх по реке, пользуясь узкими протоками между островами. Сейчас, во время высокой воды и сильного течения, они стали проходимы. Заметили этот «прорыв» или не заметили, станет ясно позднее. Саму судоводительницу вряд ли могли опознать, потому что одета она по-местному и в мужском стиле, а разглядеть с берега лицо, да ещё и в темноте... Вряд ли такое возможно. Опять же, сидела она в будочке-казёнке, никому не видимая.

Карбас этот нам тоже пришлось «поправлять»: еловые корешки, которыми он был сшит, не держали доски в условиях вибрации двигателя – корпус потёк. Свойства лиственничной древесины, из которой было изготовлено судёнышко, тоже оказались незнакомыми. Поэтому наложение металлических скрепов не с первой попытки дало нужный эффект. Словом, этой большой лодке пришлось основательно переделать корпус.

Зато теперь мы с реципиенткой меняемся, по очереди погружаясь в сон. Действия румпелем почти не требуют усилий, шестидюймовый движок уверенно тянет менее чем на десяти процентах мощности, а судно наше уверенно и довольно быстро продвигается навстречу течению. За счет чередования сознаний в одном теле мы способны двигаться круглосуточно.

Почему с нами нет ни одного помощника? Ради сохранения тайны. Для всех Софи не вернётся из разведки. После ухода в Европу «Агаты» и «Энтони» будет пущен слух, будто одно из этих судов подобрало мою хозяйку в море и увезло с собой. Ну а о том, как правдоподобно обставить возвращение, подумаем позднее. Есть несколько вариантов.

* * *

Караван из трёх барж мы нагнали через четыре дня, не доходя до Великого Устья, то есть ещё в Двине. Заняли место в хвосте и долго мучились, уравнивая скорость: специфические свойства наших моторов превращают решение задач подобного рода в настоящую головоломку. Грубо это продельвается сменой пар шестерёнок в редукторе и сменой винта, а тонко – выбором соотношения воды и горючего в воздушно-топливной смеси. Смена вида самого горючего тоже влияет на обороты. Так что мотористы сейчас по уровню знаний и понимания процессов должны быть на высоте.

Четыреста километров вверх по Сухоне – реке, слияние которой с рекой Юг и даёт начало Северной Двине, – и мы сворачиваем налево, в скромный приток под названием Ихалица, пришедший с юга. Череда поворотов, сужающиеся берега, часто топкие, указывают на то, что мы пробираемся между болот. Движение, как и прежде, идёт безостановочно круглые сутки. В среднем, если считать относительно берегов, каждый час мы преодолеваем по шесть километров: встречное течение в эту пору – пору половодья – заметно нас тормозит.

Вьётся русло; названия речушек, в которые сворачиваем, мне неизвестны. Мы продолжаем плестись в хвосте, ни с кем из спутников не общаясь, и наконец пристаём к берегу. С больших барж выгружают брусья сечением семь на семь сантиметров. Плотники укладывают в редкую дорожку трёхметровые брёвна, сложенные рубщиками по краю просеки. Это шпалы. Поверх них – рельсы из брусьев. Чтобы не разезжались в стороны, под них прорубаются пазы.

Тянем сразу две нитки с колеей в шестьдесят сантиметров и промежутком между колеей сто двадцать. Тележки на эту дорогу поставили сразу от места выгрузки. Они четырёхколёсные. Колёса с металлическим ободом, снабжённым двумя ребрами, имеют диаметр тридцать сантиметров. Бывшие бурлаки сейчас вооружены лопатами – где-то подсыпают, где-то подкапывают, ровняя полотно. Иногда приходится корчевать пень или спиливать его под корешок. Но в целом дело продвигается в темпе вальса. Да и преодолеть нужно всего тысячу шестьсот метров.

Самая большая канитель со скреплением концов рельсов: это нужно организовать обязательно поверх достаточно широкой шпалы, к которой брус прибивается секретным гвоздём без шляпки. Сам стержень утапливается в мясо, после чего отверстие затыкается деревянной пробкой, которая стёсывается заподлицо. Это такая маскировка против случайных расхитителей железа, которое нынче дорого.

Обе большие двенадцатитонные баржи мы отпустили, как только закончили разгрузку. Им нужно идти в Вологду искать груз до Архангельска. А оставшимися силами завершили постройку короткой ветки, по которой на четырёх тележках, поставленных сразу на обе колеи, перекатили плоскодонку-трёхтонку через отлично оборудованный волок. На ней нам предстоит немедленно прорываться к главной транспортной артерии страны – реке Волге. Чтобы в один проход заодно и глубину русла оценить, загрузили в трюм камня до погружения корпуса по грузовой марку.

* * *

Да, это был «всхлип» – запойный труд ради ясно видимой цели. Но работали не увлечённые подростки, а крепкие сурьёзные мужики. Причём трудились они основательно и неторопливо. Тем не менее всё сделали быстро и даже раскритиковали ряд недалёковидных технических решений, которые Софи мгновенно взяла на карандаш. Менять эти решения прямо сейчас было невозможно, слишком много сил ушло на подготовку подобной неустойчивой стремительности. Однако надеюсь, это не последний волок в нашей практике.

– Ты это, Джонатановна! Мы тут обчеством, стало быть, подумали и просимся к тебе на службу. Вот, – завершил речь мнуший шапку мужик из плотников.

Софи быстро «провалилась», оставив меня отдуваться.

– Понимаешь, Микула, я с кадрами групповым методом работать не умею. Мне сейчас в этом месте один работник надобен, чтобы за дорогой приглядывал. А для него на обоих концах волока следует по сторожке срубить. Сарай для тележек поставить, конюшню. Вот выберите такого обстоятельного человека и обустройте его как следует. Как закончите, садитесь в карбас и ежайте на вёслах до самого Архангельска. Кланяйтесь от меня Агате Кристоальевне и грамотку ей передайте, – быстренько нарезал задачи я. – Коли есть у неё для вас дела, так она вас к ним и пристроит. По пути загляните в Котлас, отыщите Силу Андреича. Обскажите ему, что мы тут изладили. Да смотрите у меня, чтобы с чужими об этом – ни-ни. Болтуны у Корнов долго не задерживаются. Матрёну и Фёклу я с собой забираю, станем дальше этот ход осваивать.

– А почто ты девок в попутчицы берёшь? Есть же крепкие мужики!

– В том и беда, что крепкие, отбиваться замучаешься, – отшутился я. Хотя вопрос тут более пикантного характера: на семиметровой трёхтонной плоскодонке нет гальяна.

Чтобы было понятно: Иван ушёл с баржами на Вологду. Как-никак сколько-то лет состоял при купце, знает, как с этой братией насчёт перевозки груза договариваться. Оставшаяся малая плоскодонка отправится вниз по течению этой мелкой речки к Солигаличу, где попадёт в Кострому – приток Волги. А Софочка сейчас идёт на прорыв, довольно рискованно обходя устоявшиеся порядки. Её вера в возможность коллективного сохранения секретов даже мне

представляется наивной. Но у этой девочки отменный нюх на неприятности – может быть, нас и пронесёт мимо них!

Да, ребёнок окончательно потерял терпение, потому что вместо давно запланированных и подготовленных многолетними трудами действий приходится изворачиваться, контрабандными методами, с риском прогневить власти, прокрадываясь вглубь страны.

Глава 4. Нефть или чугун?

На территории России более-менее качественно нами были сделаны всего два определения географических координат – в Архангельске и в Москве на Кукуе. Дело это требует сначала ясного полдня, когда часы выставляются на местное время, а после выставления часов нужна не менее ясная ночь с высоко поднявшейся на небосводе луной, по положению которой относительно звёзд можно определить долготу; если луны долго не видно, то часы могут «уйти» неизвестно на сколько и в какую сторону. А потом необходимо провести достаточно объёмные вычисления, справляясь по таблицам. Изрядно громоздкая для этого времени задача, решить которую возможно, только находясь на твёрдой земле. С воды это можно проделать только в тихую ясную погоду и с заметно большей погрешностью.

Третьей точкой с надёжно установленными координатами был оборудованный нами волок между бассейнами Северной Двины и Волги. Четвёртой стало селение Солигалич, стоящее уже на реке Костроме. Мы не так-то быстро до него добрались, хотя и шли вниз по течению да на моторе.

По дороге несколько раз встретили упавшие в воду деревья, перегородившие путь. В двух случаях течение прибило к ним разный плавучий мусор, среди которого встречались и подмытые паводком деревья. Хорошо, когда удавалось перепилить их с суши и стянуть с дороги. Но ведь и в воду приходилось лезть. Сонька-то не сплеховала: у неё оказался при себе купальник – бриджи суконные и жилет из того же материала. Фёкла с Марфой этот «туалет» вскорости переняли. Ну а что касается работы, так все три девицы оказались крепкими, не сынки у маменьки в помещицьем доме выросли. Хотя именно Софи как раз в таком доме, однако всё одно получилась жилистая и не слабая.

Девушек Софи выбрала себе в спутницы не с бухты-барахты. Фёкла – дочка Силы Андреича – была нашей проводницей к найденному им месту, а потом оставалась там, принимая участие в работах. Она и раньше хаживала с отцом и братьями по речным путям, проводя барки или перевоза грузы. Марфа же этой зимой прошла курсы вкусной и здоровой пищи под руководством профессора Консуэллы Корн. Конечно, основное внимание уделялось вопросам консервирования и иным способам сохранения продуктов, но понимание о влиянии маленьких невидимых зверьков на порчу пропитания и на причинение вреда здоровью питающихся, девушка получила твёрдое. А готовила она и раньше превосходно, при нашем стройотряде трудилась стряпухой. Вообще-то команду для этой вылазки подбирал Иван, он же тутошний.

Обе девицы умели носить штаны, если нужно было пробираться через чащобу, а больше нам с Софи о них ничего известно не было. Ну ещё, что обе незлые. Подражая им, Софи нарядилась в сарафан, а голову повязала платком. Вот в таком виде девчата и неслись вниз по реке Костроме с космической скоростью четырнадцать километров в час – десять своих, и ещё четыре прибавляло течение. Короткие ночи конца весны позволяли не останавливаться на ночёвку. Одна из нас обычно отсыпалась в форпике, а две бодрствовали, сменяя друг друга у руля.

Править этой большой лодкой обе помощницы научились мигом – крути баранку и не зевай на бесконечных поворотах. Ещё они умели перекрывать топливный краник, чтобы погасить шарманку при экстренной надобности. Раскочегаривание, запуск, включение сцепления и настройка двигателя на режим были для них китайской грамотой. Но это не создавало проблем – машина постоянно ровно тянула, а мы непрерывно перемещались по бесконечной ленте реки, которая тем временем выписывала петли и делала загогулины, удлиняя расстояние в два или три раза. Порой она откровенно вела нас в направлении, противоположном желаемому. Населённые пункты на её берегах встречались редко и выглядели убого.

Софи, как могла, отмечала путь на листе бумаги, на глазок прикидывая расстояния. Мы долго двигались среди узкого водного пространства, стиснутого заросшими лесом берегами, которое, следуя законам природы, постепенно становилось шире.

Чем дальше, тем встревоженной делалась Софи. Она осознала, что не просто нарушила установленные властями правила, но продолжает усугублять собственную вину, упорно удаляясь от места, назначенного ей для проживания. А тут ещё два десятка поверхностно знакомых дяденек, у которых бог весть что на уме. Ведь каждый может выдать её в пьяном трёпе или расхваставшись, даже если не желает ей зла.

Попутчицы почувствовали неладное, расспросили, посочувствовали и стали звать Соней. Это, сказали, чтобы привыкнуть обращаться к ней как к одной из обычных девчат – так меньше шансов выдать её неосторожным словом. Однако когда впереди показались колокольни костромских церквей, Софи развернула лодку и погнала обратно. Скипидару оставалось только на обратную дорогу, причём неточно, потому что до волока нужно было долго идти против течения.

Я немного посоображал, посчитал, а потом мы поставили в редуктор пару шестерней, дающих прибавку к скорости. Так уж у меня вышло, что против течения экономичней двигаться, если плывёшь быстрее, даже если расход топлива за то же время от этого больше. Особенно это чувствовалось в низовьях, где течение сильнее. Потом, уже в районе Солигалича, где посреди ровной местности и в окружении низин движение воды стало еле заметным, снова вернулись на экономичный ход. Весеннее половодье заканчивалось, река мелела, но наша плоскодонка и не собиралась задевать дно.

У волока выгрузили балласт – все три тонны камней, что имитировали груз, перевезли обратно в бассейн Сухоны – Северной Двины. Снова загрузились и заторопились домой: за делами и на переходах прошли два месяца, и уже приближался июль. Зачем мы таскали с собой такую тяжесть? Проверяли глубины на фарватере. Ведь не будешь же постоянно бросать лот! А о мелком месте доложит чиркнувшее по нему днище. Или увязшее.

Я сразу прикидывал на глубины в один аршин, который нынче семьдесят сантиметров и всем местным понятен. У них же дорогу придётся спрашивать. И именно до такой осадки лодку и загрузили. Только вот насчёт того, что поместилось в неё именно три тонны, уверенности у нас не было: кто же их взвешивал, те камни? А возить их полтора километра, причём полдороги на подъём, пришлось тоже нам с помощью одного только оставленного здесь сторожа. Да и втаскивание лодки на тележки, пусть даже по наклонным направляющим и лебёдкой, было трудоёмко. Тут ещё непаханое поле для усовершенствований.

По речушкам севернее волока прошли быстро, хотя попутное течение и было ничтожным, но путь здесь значительно короче, всего-то вёрст шестьдесят. Ну а выйдя в Сухону, мы просто избавились от груза, чтобы идти скорее: впереди глубокие русла, которые незачем промерять. Лодка наша понеслась как угорелая. Прикинули остатки топлива и опять переставили в редукторе пары шестерён ради увеличения хода: время поджимало.

Сплавающиеся по течению барки с грузами, которые подгоняли вёслами перевозчики, мы обгоняли, как стоячие. Манометрический лаг показывал ход двадцать пять километров в час. Врёт! Потому что в сочетании с течением выходит под тридцатник. А это скорость не нынешнего века. Нет, не врёт. Устюг Великий мы миновали тем же днём, покрыв около четырёхсот вёрст часов за пятнадцать, если верить в точность хода деревянных часов в условиях вибрации.

Уже на Двине догнали одну из наших барж, остроносую, что шла с товарами из Вологды. Я ещё удивился радостной встрече Фёклы со скромным экипажем этой крупной плоскодонки. Моторист и помощник моториста оказались её младшими братьями, моими недавними курсантами. А лоцман, который тут вообще капитан, старшим братом. А кроме них на борту были только сопровождающие груз.

– Третью ходку делают, – отчитались девчата о результатах встречи, потому что мы с Софи сидели в сторонке, замотав голову платком, и хранили инкогнито. – Вторую с верховьев да одну встречно. Игнатка в смятении: говорит, что таких деньжищ, какие ему за перевозку платят, он и представить себе не мог.

«Сейф для судовой кассы, – сделал я отметку в Софочкиной памяти. – И личное оружие экипажу. Только смотри ж, чтобы не слишком холодное».

Конечно, я обратил внимание на грузовую марку – с перегрузом идут. Вместо семисот пятидесяти пудов, составляющих двенадцать тонн, тут не меньше тысячи – шестнадцать метрических тонн. Нельзя же так жадничать! Или купчина обманул, закидал больше, чем пообещал? Второй раз встаёт проблема взвешивания. Хотя всё же видно по осадке! Блин, да что же делать с необразованностью местных!

Через сутки уже у Холмогор обогнали и вторую нашу баржу – тупоносую. Тоже шла с перегрузом, да ещё и без мотора. Не иначе запороли шарманку неопытные шарманщики. Мои бы ипсвичские такого не допустили.

Архангельск мы обошли обмелевшей протокой, скребя днищем по песку и швыряя за корму песок и вырванные плицами растения. Тихонько, на самом малом, помогая себе шестью, протолкались под удивлённым взглядом пасущейся на берегу одичавшей козы, вышли в море и свернули налево – тут ненаселённые острова, куда Фёкла нас с Марфушей и высадила. Генеральный план – дожидаться возвращения флейта или шхуны и вернуться с ними, как будто из Копенгагена или Антверпена.

Угнавшая лодку в Архангельск Фёкла наконец-то справилась и со включением сцепления, и с подданием газу при этом. Уже на обратной дороге эти операции стали у неё получаться, потому что мы с Софи не слезали с попутчиц, втолковывая им тонкости обращения с шарманкой. А что делать, если кроме как на здешних тутошних русских, рассчитывать больше не на кого.

Марфа, успехи которой в освоении техники скромнее, осталась со мной. Ну то есть с Соней, которая, как всегда в условиях вынужденного безделья, затосковала. Смотрела на море в зрительную трубочку, словно Ассоль, поджидающая алые паруса, вспоминала свой первый поход вокруг берегов Шотландии. Они ещё тогда с Мэри готовились вступить в стихотворную перепалку с синими людьми Минча. И вот сейчас хозяйюшка моя начала слагать вирши, причём по-русски. Упрямые такие, с не вполне понятным мне ритмом, про то, что она не станет плакать, потому что за спиной мерно дышит седой океан, а впереди вьются мокрые ленты дорог.

Между тем англичане и голландцы начали проходить мимо нас в устье Северной Двины. А вскоре показался и «Энтони». Сонька мигом подала сигнал дымом, а потом знаками семафорного телеграфа передала своё имя.

Шхуна подняла сигнал «Вижу ясно», приняла немного к западу и спустила на воду шлюпку.

* * *

Капитан Коллинз товары в Архангельск не доставила – она привезла нефть, металлы и почти всю школу. В ипсвичском имении остались только старший и младший братья Смиты. Один обеспечивал работу гвоздильного заводика, а второй продолжал занятия с младшими классами.

Существенной новостью стало то, что дядя Эдуард теперь является формальным хозяином поместья, поскольку сведения о том, что его старший брат Джонатан перековался в голландцы, достигла берегов Туманного Альбиона. Сами земли, на три четверти заросшие сорным лесом, особо никого не интересовали, поскольку никаких выгод без вложения серьёзных

средств не сулили. Ну а супруг тётушки Аннабель проследил за тем, чтобы бумаги были оформлены правильно, он ведь по судебной части служит.

Потом прибыл и отец, доставивший много самого дешёвого чугуна и некоторое количество грузов, закупленных местными купцами. В них, как обычно, полный разнობой, но объёмы, выраженные в единицах веса, относительно невелики. Если пересчитывать на массу, то Архангельск работает преимущественно на вывоз. Вот поэтому-то оба наших судна быстро загрузились и двинулись обратно. Причём папа увёз маму и третьего лейтенанта Кэти Корн, которая ради этого перешла на «Агату» с «Энтони». Надо же хоть одну внучку показать бабушке и дедушке! Да, они собираются на Ямайку и не появятся здесь целый год.

А за время нашего с Софи отсутствия завершили постройку буксира, в принципе, повторяющего трёхтонку: стало понятно, что придётся таскать местные барки. Достроили тупоносую двенадцатитонную баржу. И сделали плоскодонку с винтом. Пока, ради обкатки непроверенных решений, выполнили её в уменьшенном варианте. Дело в том, что сам винт поместили в тоннель, чтобы на мелких местах не чиркнуть об дно. А поскольку этот тоннель протянулся вперёд до самого носа, то вышел катамаран, волокущий брюхо по поверхности воды. Знатный уродец получился, но по дну винтом, действительно, не чиркает и носится как угорелый. Нет, если в варианте разъездного катера – штука роскошная. Только вот где и кому на нём разъезжать? Особенно, учитывая дефицит выездных мотористов и низкую их выучку.

Парни, занимавшиеся водомётом, не сдались и сделали сразу два новых образца: один для чистой воды, а второй – для грязи болотной. Первый давал на выходе высокое давление и большой расход, а второй проталкивал сквозь себя даже болотную жижу с ряской, корешками и листиками и отбрасывал эту, по сути, пульпу метра на полтора-два, если направить сопло под углом в сорок пять градусов к горизонту. Собственно, по дальности отбрасывания и судили о скорости вылета реактивной струи, умножая её потом на площадь сечения.

Мы с Софи долго чесали наш один на двоих затылок, прежде чем продолжить попустительствовать этой затее. Но если хозяйшка лишь сожалела о растрачиваемых понапрасну усилиях, то я пытался ухватить за хвост некие смутные воспоминания.

Вообще-то период этот выдался напряжённым, потому что Иван ушёл мотористом на первой тупоносой двенадцатитонке, той, где запороли шарманку, которую уже поправили, а мама на целый год уехала на Ямайку. Нужно было хлопотать по хозяйству, тем более что как раз подвезли товары из Европы, которые наши купцы, купившие их, желали увезти вглубь страны. А у нас целая баржа подоспела со спуском на воду и ходовыми испытаниями.

– Фёкла! Пойдешь капитаном на Кострому – Нижний Новгород. Мотористом возьми одного из своих младших братьев, из тех, что на остроносой барже ходили. И ещё найди в экипаж такого мужчину, с которым разговаривать будут уважительно.

– Хорошо, Соня. Когда уходить?

– По готовности. И вот тебе деньги. В обратный путь чужой груз не бери, а купи пшеницы по грузовую марку. Не больше, а то до волока не доберёшься.

– Да, Соня.

Вот до чего же спокойная девица! Её только что почти за одни красивые глаза назначили капитаном современного скоростного грузовоза, а она: «Да, Соня», «Хорошо, Соня». Нет, нас, русских, никому не победить!

Глава 5. Мокрый волок

Раньше ни я, ни Софи просто не имели возможности познать всю хлопотность организационной работы. В родном имении массу вопросов разруливала Бетти. В период командования кораблём под рукой всегда находилась основательная и хозяйственная Мэри. Кучу школьных проблем решал Билл с Дальних Вязов. Он тоже сейчас здесь, но, во-первых, пока не в курсе многого, а во-вторых, по-русски еле лепечет.

Крутили мы двумя сознаниями в одной голове без передышки, потому что нормально просушенного леса нет, а собранные отовсюду по паре-тройке брёвна, лежавшие в сараях или под навесами, нужного нам количества досок не дали. Просушиваем после распиловки на той печурке, где выдерживали плечи арбалетов, да отбрасываем покоробленные. Хорошо, что нам почти не нужен длинномер: борта и днища плоскодонки собирают на короткие винтовые гвозди, укладывая доски накрест и проклеивая смесью битума, древесной смолы, воска и чего-то извлечённого из животного жира. Собирают таким манером, чтобы шляпки оказывались внутри корпуса после сборки. Тоже фанера получается, двухслойная, толщиной сорок миллиметров. И каждый её лист точно становится на своё место в барже.

Длинномер для стрингеров из лиственницы нам делает карбасный мастер из своего материала, причём чисто по-соседски обдирает нас как липку. А тут всю идёт монтаж привезённого из старой школы оборудования, обустройство химлаборатории для птенцов из гнезда младшего Смита, обжиговые печки, нагнетатели, насосы, рихтовка станины под самый лучший в мире токарный станок по металлу, который умеет даже резьбу нарезать.

И вот посреди этого фейерверка, где месят известковый раствор и вкапывают столбы, появляется с иголки одетый мужчина и, ни на секунду не затруднившись, представляется:

– Строганов Григорий Дмитриевич.

Тот самый, который вместо того, чтобы, как полагается, плавить чугун и лить пушки, промышляет солеварением. Это в стране-то, где имеются два затвердевших озера чистой натрий-хлор! Руби, толки и сыпь прямо на горбушку. Короче, навели мы о нём справки. Богатый он, а чем богатый?.. Ну не солью же!

– Софи Корн, – отвечает Софочка и передаёт кувалдометр ассистенту. – Польщена знакомством.

– Боюсь, оторвал тебя от важного дела, – учтиво замечает гость, глядя на то, как пара дюжих мужиков подхватывает тигель с расплавленной бронзой и выливает его содержимое в форму.

– Вот теперь правильно шипит, – кивает Софи на звук, издаваемый кокилем. – Так что у тебя за дело ко мне, Григорий Дмитриевич?

– Обычное дело – перевоз. Нужно товар доставить в Соликамск, а потом другую партию обратно привезти.

– Семьсот пятьдесят пудов могу взять в одну ходку, – поспешно вношу ясность я.

– Да известно уже всем, по сколько вы берёте груза. А вот про то, сколько денег возьмёшь за перевоз, поговорить было бы кстати.

– Сам-то ты сколько обычно платишь? Путь ведь неблизкий. Опять же, какой дорогой идти? – Софи пытается понять, почему великий Строганов сам пришёл, а не приказчика послал.

– Неблизкий, – кивает Григорий Дмитриевич. – Старая, с ордынских ещё времён, дорога вверх по Вычегде, а потом волок из Кельтмы-реки снова в Кельтму, но уже впадающую в Каму.

Что же, о теперешних здешних волоках у нас сведений собрано немало. И такое, чтобы две реки, текущие в разные стороны, назывались одинаково, случается. Например, есть два

Шингаря, вытекающих, если верить слухам, из одного болота. Собственно, из-за этого болота мы и не стали устраивать в том месте переход в Волгу: не хотелось работать по пояс в жиже.

Есть ещё два накатанных пути, оба из реки Юг, которая, сливаясь с Сухоной около Устюга Великого, даёт начало Северной Двине. Один ведёт в Ветлугу – приток Волги. Второй – в Вятку, приток Камы. Той самой Камы, на берегу которой стоит Соликамск. Впрочем, попасть в Каму можно и из Ветлуги через ту же Волгу. У каждой из этих дорог есть свои достоинства и недостатки. Не обязательно длина. Где-то удобный берег, позволяющий бурлакам без помех тянуть лямку, где-то мост на сваях, под которым не каждое судно пройдёт – многие обстоятельства делают предпочтительными те или иные пути.

На популярных волоках можно и на местную таможенку нарваться, где право местного боярина на получение мзды подтвердят его организованные и вооружённые люди. А уж если путь проходит через монастырские земли... Много всякого-разного в эти времена позволяют себе служители культа, и никакой управы на них не найти.

Софи провела дорогого гостя в рисовальческую, куда велела подать ямайского рому и кофию, а сама отлучилась переодеться. В парусиновом рабочем прикиде она, конечно, смотрится отпадно, но традиционные ритуалы надобно блюсти.

– Какая отменная карта! – обратил на нас взор Григорий Дмитриевич, едва Софи вернулась в наряде боярышни. Ну да, у нас изготовлена четвертинка глобуса от полюса до экватора и от Гринвича до линии смены дат. Как раз вся территория России на ней умещается. Разумеется, наиболее правильно здесь показана европейская часть.

– Прикажу изготовить для тебя копию, – ослепительно улыбнулась моя реципиентка. Она последнее время хорошеет не по дням, а по часам. – Так показывай путь, по которому собираешься меня послать. – Это уже я вернул разговор из светского русла в деловое.

Разумеется, сколь-нибудь подробно нарисовать карту дороги в Каму наш гость не смог, да и на нашем недоглобусе не нашёл, но указал важные ориентиры и обещал дать проводника. Мы же, со своей стороны, пожаловались на несвободу в передвижениях, отчего судно-то у нас есть, а вот шарманщика доброго для него нет. А те, что хоть как-то справляются, все в разгоне. Потому что сполна обученные шарманной премудрости парни все сплошь иноземцы, которым Архангельск покидать не рекомендовано.

Так и расстались, оформив устный договор о намерениях, ничего конкретно друг другу не пообещав. Мы уловили главное – где-то придётся протаскивать судно сквозь болото, причём на протяжении примерно вёрст двадцати. Мне сразу вспомнились землечерпалки, драги, земснаряды и добыча торфа, который размывали водяной пушкой. Не то чтобы у нас тут было что-то готовое, но водомётчики создали некоторые предпосылки для дальнейшего творчества в отношении прохода через болота за счёт применения технических средств.

Начать проработку вопроса нам пришлось с ревизии всего хозяйства. Прежде всего, сколько накоплено скипидара? Оказалось, изрядно. Три перегонные установки, работающие круглосуточно, обеспечивали устойчиво сочащийся родничок. Пихтовые бочки местного производства стояли рядами и колоннами. Их уже кто-то из наших ипсвичских Кулибиных стандартизировал. Все они объёмом по тридцать шесть литров, то есть подъёмны для одного дяденьки или двух тётенок. Вообще-то, это объём английского сухого бушеля, то есть неизвестный мне умник даже размеры не пересчитывал, а скопировал откуда-то.

Питался родничок преимущественно ситовой сосной, которую в подгоняемые с верховьев плоты то и дело вставляли недобросовестные лесозаготовители. Она даже в печи идёт только за неимением иного топлива, вот её нам и толкали по цене низкокачественных дров окрестные потребители древесины.

Вторым был вопрос собственно с судном. Завершалась постройка четвёртой двенадцатитонки – второй, заложенной здесь, в Архангельске. Стандартная ширина в семь футов – два десяти, если по-человечески. Длина – двенадцать метров. Борта и транец плоские вертикаль-

ные. Передняя стенка наклонная наружу под углом... Ребята его постоянно увеличивают и здесь добрались до шестидесяти градусов от вертикали на стыке с днищем, но верхние передние тридцать сантиметров выполнили строго перпендикулярно поверхности воды – своего рода принудительная грузовая марка, оставляющая фут надводного борта при погружении корпуса до образования наглядно видимого упора в воду.

Пара гребных колёс на корме, остающихся в пределах ширины корпуса. Здесь их сделали относительно небольшими, метрового диаметра, отчего они не выставляются над палубой даже своей верхней кромкой. Зато плиты их торчат вниз из плоскости днища. Ребята в этом месте явно намудрили что-то с направлением движения воды, организовав прямоугольного сечения, выставляющийся вниз на добрые двадцать сантиметров. Что же, будем пробовать. Даст это повышение коэффициента полезного действия или не даст, увидим на практике.

А теперь вопрос! Как к носу этого сооружения пристроить земснаряд? Для этого по старой ипсвичской традиции собирается великий народный хурал. А что ещё делать, если нужно всем скопом навалиться да к тому же требуется единодушное понимание решаемой нестандартной проблемы?

Народ я согнал в класс, чтобы можно было рисовать на доске, и начал постановку задачи. С удивлением понял, что изъясняюсь на смеси русского и английского, которую свободно понимают и ипсвичские ребята, и местные: как-то незаметно у нас тут образовался свой суржик.

Общую задачу сделать болотопроходный корабль аудитория ухватила быстро, после чего на кафедру взошёл самый упёртый водомётчик и поведал о последних достижениях в области водомётостроения. Спустя полчаса народ начал генерировать идеи, пошли вбросы информации о достижениях энтузиастов паровых машин, об идеях сторонников пневматических устройств, о трудностях с изготовлением трубопроводов. План опытно-конструкторских работ принялся распухать до беспредельных размеров, отчего мне пришлось решительно резать по живому, впихивая невпихиваемое в реальные объёмы. Потом все задумчиво разошлись, потому что наступило время ужинать и спать.

А утром стало понятно, что на нашем корабельном дворе начался первый на Архангельской земле всхлип творческого энтузиазма. Билл с Дальних Вязов разложил работу на операции и нарезал чёткие куски. Пусть мы не гвозди шлём, а создаём сложное техническое сооружение, но количество доступных двигателей на ближайшее будущее уже известно, сколько и чего можно отлить или выточить – понятно, а время просушки и обжига форм непрекаемо, как физическая константа.

О том, что чистую воду для водяной пушки можно взять с кормы и прогнать её вперёд можно только по деревянным трубам прямоугольного сечения, мы договорились ещё при первом обсуждении, а то обстоятельство, что пульпу следует отбросить в сторону как можно дальше, уловили все. Вопрос был за реализацией.

* * *

Август в этом году выдался ласковым. Софи «подбила бабки» и с удивлением поняла, что за счёт перевозок по маршруту Вологда – Архангельск мы уверенно поддерживаем штаны, при этом не захватив и пятой части рынка грузоперевозок. Да нам больше и не требуется, потому что неплодотворно было бы создавать массовую безработицу среди бурлаков, гребцов и работников действующих волоков. Неблагодарное это дело, нужно ведь и другим дать дышать, чтобы не поднялась дубина крестьянской войны против иноземных захватчиков источников постоянного заработка.

А у нас тут уже прикормились две артели – бурлацкая и плотницкая. Да и дядя Сила доложил о том, что столько же народу приставил к делу у себя в Котласе. Хорошо он устроился:

все его дети регулярно проходят мимо и заглядывают в гости. А он уже и старуху свою на новое место перевёз.

Мне же приходится постоянно проводить курсы повышения квалификации мотористов. И Софи каждый раз, как приходит баржа, инструктирует капитанов, которые считают себя лоцманами. Здесь присутствует конфликт понятий, связанный с особенностями понимания меры ответственности и объёма обязанностей. Конфликт этот преодолевается со скрипом и скрежетом. Видимо, потому, что наши капитаны все поголовно родом из потомственной лоцманской семьи.

* * *

– Вот тебе, Софья Джонатановна, дозволение ходить безвозбранно по всем землям государства нашего.

С такими словами пришёл к нам Григорий Дмитриевич Строганов и протянул грамоту с царской печатью. Видать, крепко ему нужен путь от Архангельска до Соликамска, если он за две недели обернулся до Москвы и обратно, да ещё и документ такой выправил. Не иначе (как и ходили слухи) дверь в палаты царские ногой отворяет.

И это не зимой по санному пути, а через броды и перевозки. Нет, не мог он сам с такой скоростью ехать. На подобное только конная эстафета способна. Ну да не моё дело разбираться в природе подобного чуда. Главное здесь – великая заинтересованность нанимателя.

– Спасибо огромное, Григорий Дмитриевич! – Софи просто подпрыгнула и в восторге захлопала в ладоши. Или это я аплодировал? – Есть у меня судно для рейса на Соликамск. А ради такого случая я его сама поведу. Только вот груза взять получится лишь шестьсот пудов. К какому причалу становиться под погрузку?

* * *

Вот ведь и не удержать её, первопроходчицу истовую с вечным шилом в основании туловища! Так что – поехали! В команду взяли пару не сдавших зачёты шарманщиков, тех, кого я на самостоятельную работу пока не выпустил. Оба – парни из старших, то есть физически крепкие.

Приняли груз – ящики в основном. То есть это какие-то изделия. Погрузили их на поддонах, подавая козловым краном, опоры которого идут по бортам. То есть берём с тупого носа, везём и ставим. Ящики тяжёлые, становятся компактно, только ручку лебёдки крути. Ну да для этого с берега приглашены работники, им ведь тоже нужно зарабатывать. А у судовой команды задача – правильно груз разместить и укрыть от непогоды.

Пришёл проводник, который здесь в ранге лоцмана, да на этом мы и отчалили, потому что он же и груз сопровождает. Первые семьсот километров до впадения в Двину реки Вычегды прошли за четверо суток безостановочного хода, это около восьми километров в час относительно берега и двенадцать по воде. Я на такие моменты всегда обращаю внимание, как и на расход горючего. Лоцман через каждый час крестился, поглядывая то на показания лага, то на часы – невиданные диковины, – к тому же находясь в рубке со стеклянными окнами. Но освоился и даже сам взялся за баранку. Рычажок, которым останавливается мотор, мы ему показали.

Если кто-то не понял, то эту посудину мы завершали всем лесом, отчего в неё упихано всё самое передовое, до чего дошла конструкторская мысль.

По пути, проходя мимо Котласа, заглянули к дяде Силе. Навесы у него просторные, лес под ними сохнет качественный, казармы срублены и при всём этом великолепии – виноватый взгляд. Или умоляющий? Ну чисто кот из мультика про Шрека.

– Кайся, грешник. Чего опять насвоеволил от жадности великой? – немедленно взял я инициативу в наши с Софочкой одни на двоих уста.

– Артель плотницкую послал на волок давешний. Чтобы, значит, анбар поставили. А дочке наказал пашеничку из Поволжья в тот анбар везти, пока деньги все не истратит. И ещё ей из своих дал денег, и из твоих, и с зырян местных пособирал и тоже ей отдал. Ну, на пашеничку, стало быть. Так тем зырянам я всё хлебушком-то и возвернул, считай, за половину здешней цены. А твои деньги верну уж, когда отвезу хлебушко-то в Архангельск-город. Он там завсегда в большой цене.

– Ты, Андреич, прекрати виниться, потому что урок, тебе назначенный, исполнил. Навесы поставил и лес под них сложил. Деньги сэкономленные – премия тебе от меня. Ничего ты мне не должен. Но про коммерцию свою доложи мне без утайки, потому как если ты мой человек, то и риски твои на мне.

– Дык, Софья Джонатановна, пашеничка-то в этих краях не родит. Одна только рожь, да и та не каждый год. Вот. А тут я с хорошей скидкой зерно-то и продам.

– Дядя Сила! Кончай меня инсинуировать. Мне хлопоты со сбытом купленного не надобны. Я собираюсь не с товарами дело иметь, а с грузами. То есть с пудами и вёрстами. Взял, доставил, сдал – всё. Улавливаешь идею?

– Улавливаю. Но тут же деньга просто сама в карман просится!

– Вот и оставь себе эту деньгу, а мне доложи: на чём ты от волока досюда зерно перевозил? И на каком таком скипидаре Фёкла носится? Где ты собираешься оставить зимовать Фёклину баржу? И о другом, о чём я тебя спросить забыла.

– Зерно от волока возил на карбасе. Тутошние, верховские-то, ещё больше, чем даже холмогорские. Туды вёслами или под парусом, а то кто из сынов к своему шарманкоходу прицепит и доволочёт. Оно пустую-то лодку тащить не так трудно. А назад вниз по течению вся дорога. Ну, по Ихалице, где вода еле шевелится, там и на вёслах пройти не так тяжко. А скипидару Фёкла мало пожгла, потому как в Нижнем Новгороде земляное масло берёт да его шарманке и скармливает. Баржу же твою, что дочка гоняет, думаю прямо на волоке оставить зимовать – на той, Костромской стороне. Пушай вмерзает. Там вода, когда таять начнёт, ничего ей не сделает. Течение же как кот чихнул.

– Плотников на волок пошли, чтобы слип изладили, – принялась командовать Софи. – На него пускай баржу вытаскивают. Ей нужно будет днище осмотреть и просмолить, если ободралось. Сынам, когда в другой раз мимо тебя вниз пойдут, накажи, чтобы скипидару сюда доставили, а уж как он на наш волок попадёт, об этом сам похлопочи. А здесь дров берёзовых запаси много, мне из них уголь понадобится, потому что у нас там его не хватает для кузниц, а сосновый плохой. Только сам не жги. Я под зиму человека к тебе пришлю с аппаратом, он кроме угля ещё и дёгтя навьгоняет. Ну и жижки горючей, которую сам и спалит. Имей в запасе для него место в казарме.

– А коммерция твоя мне неинтересна, – уже я продолжил накручивать хвост не в меру разошедшемуся жадине. – Мне на роду написано жить с извоза, поэтому за него, за извоз этот, каким ты со своей торговлей попользовался, и выложи полновесную плату. Сам считаешь, сколь средств моих на свои хлеботорговые операции потратил. И принимать на себя коммерческие риски от купли-продажи я не стану. Моё дело – получить груз, доставить его и сдать получателю.

– Прогонишь? – неуверенно спросил дядя Сила.

– Не дождёшься, – припечатал я.

Дело в том, что самовольство этого человека наглядно иллюстрировало многие стороны здешнего бытия, которые были мне неведомы. Он словно распахивал для нас виды на сокрытые от глаза непосвящённого человека обстоятельства. Да и поручения исполнял отменно.

* * *

Меньше чем через два часа после ухода из Котласа, который такая же деревня, как и все нынешние города, появилась на виду каменная церковь, построенная с выдумкой и тщанием.

– Сольвычегодск, – сообщил проводник. – Тут у Строгановых и дел всех начало, и главная вотчина.

– А много у них вотчин? – полюбопытствовала Софи.

– Ой, много. По Каме-реке особенно и по речкам, что в неё втекают. Да и здесь имеются. Даже Устюг Великий на их земле стоит.

– А Котлас?

– Просил он у царя и Котлас, но не дали ему. А почему не дали, не знаю. Может, потому, что староста там не губской, не земский, а выборный. Зыряне – они ведь инородцы, хоть и крещёные. Может, из-за этого.

– А в чём отличие между этими старостами? – сразу потребовала ясности Софи.

– Выборных свои посадские людишки выбирают, а губских присылают откуда-то. Они все боярского звания. А земские – они земские и есть.

Опять для меня непонятка. Я-то уже знаю, что дворяне нынешние идут по служебной лестнице «стряпчий – стольник – окольничий – боярин». Вон, даже воевода Архангельский всего только стольник, то есть до боярина ещё не дослужился. А староста всяко ниже воеводы. Как же, будут на место главы какого-то Мухозасиженска целого боярина ставить! Хотя, припоминаю, Пётр в своё время создал специальный табель о рангах. Видать, его тоже забодала путаница в чинах и званиях. Кстати, спрашивать про то, кто такие земские, я не стану: похоже, постичь этого мне не дано. Да и неохота.

* * *

Течение в Вычегде было поначалу примерно таким же, как в Двине – хорошо бежалось. Но вскоре начали попадаться перекаты – нестрашные, равнинные. Мы их легко проходили, чуть замедляясь из-за локального ускорения течения, и выходили в широкие плёсы. Много петляли или огибали острова.

Уже через четыре дня нам пришлось делать остановки на ночь: наступала темнота, которую наш керосиновый прожектор рассеивал не более чем на полтора десятка метров. До поворота вправо в Северную Кельтму шли десять дней. Ну а потом почти сразу пошли низменные заросшие берега, болота то справа, то слева, немыслимые загогулины, которые выписывало русло, направляя наше движение куда-то не туда.

Зато течение стало слабым. Речка мелела, иногда на поворотах мы задевали берега, поднимая плицами грунт со дна, и в один прекрасный день оторвали от днища тоннель-пришлёпку. На скорости это не сказалось. Мы шли, шли, временами ощущая вибрации от соприкосновения колёс с грунтом, который оказывался достаточно податливым, чтобы быть отброшенным назад клубами мути. Потом эта грязная от примеси ила и ряски вода начала подниматься за кормой постоянно, что продолжалось часа три подряд, но потом стало глубже, и мы вдруг заметили, что течение-то тащит нас в противоположном направлении.

– Это где же мы дали кругалю? – обратилась Софи к проводнику.

– Не крутнулись мы, а волок прошли. Я не виноват, что у барки этой осадка столь малая, а шарманка её прёт, как с цепи сорвалась. Через старый заиленный канал пролетели и не заметили.

– Это тот прямой участок, что ли? Который до проплешины на левом берегу?

– Да. Вёсла в нём вязнут, шесты проваливаются, а по берегу с ляжкой по пояс в воде брести приходится. Иной раз бечеву вперёд на берестянке завозят и уж потом по ней барку подтягивают. Но то по высокой воде, а сейчас низкая. В эти поры здесь совсем не ходят.

Вот так и вышло, что вся наша техническая подготовка не понадобилась. До Камы мы добрались без приключений. От места впадения в неё Южной Кельтмы Соликамск оказался недалеко. А там выгрузка-погрузка – и в обратный путь. Некогда нам красотами города любоваться: сентябрь в самом разгаре, а только на дорогу в один конец ушёл целый месяц. И круглосуточно идти уже не получается, продвигаться придётся с перерывами на пересидеть темноту.

* * *

На обратном пути мы у этого заиленного старого канала технику свою всё-таки испытали. От отдельного мотора – трёхдюймового – запустили на корме водомёты, которые по деревянным коробчатым трубам погнали воду вперёд. Их направляли тоже деревянными же коробчатыми отрезками труб на места, которые хотели размыть. Понятно, что голыми руками с этим не справиться, эти направляющие были укреплены в поворотных турелях и удерживались рычагом.

От второго мотора запустили гряземёт, выталкивающий мутную воду вправо по наклонной деревянной же коробчатой трубе. На этот раз заданную дистанцию проходили на два часа дольше, а насчёт того, прочистили мы фарватер или только взбаламутили, уверенно не скажу. Не наглядный получился результат, весь в мутной водичке.

Глава 6. Гадалка гадала

В Архангельск мы пришли только в октябре. Как раз последние суда отправлялись в свои европейские палестины. Строганова здесь уже не было, а приказчик от него быстро принял груз и сполна рассчитался за перевозку. Шхуну уже разоружали в протоке, готовя к подъёму на берег.

Через пару дней после нас пришли и обе баржи ещё ипсвичской постройки, доставили купленное Силой Андреичем зерно. На этом мы навигацию закончили и начали занятия в школе.

Дядя Сила пришёл рассчитывать за свои транспортные комбинации и неслабо так денег принёс.

– Права ты, Джонатановна, – вздохнул он, когда Софи пересчитывала монеты. – Если возить на дармовщинку, то хороший барыш получается, а если платить по ценам, какие у нас заведены, то прибытку остаётся – одни слёзы.

– Те деньги, что ты из моих сэкономил и в оборот пустил, тоже здесь? – строго посмотрела на мужика моя реципиентка.

– Здесь.

– Отсчитай их себе. Они – твоя премия.

– Ну, тогда прибыль побольше, – обрадовался наш жадина. – Хотя нет, такой же. То есть выгода для меня не от коммерции, а от служения тебе, – вдруг сообразил Сила и призадумался.

– Ты дров берёзовых заготовил, – напомнила Софочка, – а с работниками как расплатился?

– Из своего жалованья.

Вот и пойми после этого непостижимую русскую душу!

* * *

По финансовым итогам навигации мы оказались в хорошем плюсе, потому что против действующих расценок скидку делали небольшую: полный захват этого рынка нам неинтересен, и проводить демпинг нет никакого смысла. Конечно, первоначальных вложений мы и на десятую часть не окупили, зато у нас подготовлены надёжные экипажи на пять моторизованных плавсредств: дал я путёвку в жизнь помощникам своим из последней ходки на Соликамск. Заслужили.

Перспектива на ближайшее будущее тоже просматривается отчётливая. Приказчик от Строгановых подбивает нас на новый рейс до Соликамска и обратно сразу же с грузом. Не прямо сейчас, а когда откроется новая навигация. Причём груза обещает сразу на три баржи. И интересуется, обернёмся ли дважды за одно лето. Похоже, этот маршрут стратегически важен для Григория Дмитриевича. Я не сильно интересовался содержанием перевезённого груза, но от мешков уловимо пахло чаем. Значит, есть какой-то путь до Китая. И один из этапов перевозки товаров из Поднебесной в Англию обеспечивает Строганов. Почему в Англию? Так последний корабль, ушедший из Архангельска, был английский. И в путь он отправился после нашего возвращения из Соликамска.

Наведывался ещё один купчина, который специализируется на поставках хлеба. Спрашивал, сколько мы возьмём за перевоз с Волги и досюда. А для обеспечения такой комбинации нужно одну баржу гонять по ту сторону нашего волока, а вторую – по эту. Плюс мы для поддержания репутации обязаны обеспечить регулярные рейсы до Вологды не меньше чем парой судов. Опять нам не хватает людей в команды, да и барж тоже мало.

Тем временем наша группа учёных, собравшаяся наконец в почти полном составе, занялась серьёзными исследованиями древесины местных пород. К счастью, их действия пока носят чисто познавательный характер, но ребята обязательно перейдут к практике.

А пока достраивается уже пятая баржа по вполне оправдавшей себя тупоносой прямоугольной схеме, и продолжают мучения со строгальным станком: до создания рейсмусного наши технологии всё ещё не доросли. Проводятся опыты с паровыми машинами и винтами для моторизации карбасов. Доставленная из старой школы чёрная бронза, в которую превратились верхние обрубки отстоявшихся грязных английских бронзы и меди, подвергаются лабораторным проверкам. Да много разного происходит. Разве за всем уследишь!

* * *

– Царевна требует к себе капитан-девицу Софью, – с такими словами к нам на корабельный двор явился сам воевода. С сопровождающими лицами, естественно. Такие люди без свиты не ходят.

«И чего это вдруг ей так приспичило, что сам воевода пожаловал весть передать?» – призадумалась моя хозяйюшка.

«Баба – она и есть баба, – подколот я её. – Вечно они забывают про самое главное, а потом спохватываются, словно укушенные». Получил по мозгам и ушёл в отключку.

Дело в том, что хозяйка моя в последнее время начала отчётливо вздыхать по Ричарду Клейтону из Клейдона, ходившему на «Энтони» теперь уже первым лейтенантом. Пока он был в положении «с глаз долой», как-то это вздыхание не сильно мешало думать, а тут просто полное разжижение мозгов и сумбур в мыслях. Поскольку мозги и мысли наши как-то между собой связаны, я на такое преступление против разума недоволю бурчал. И добурчался.

В себя пришёл уже в поставленной на полозья кибитке, несущейся по укатанной обозами зимней дороге.

«Ты, это, внутренний голос! Как полагаешь, зачем я ей вдруг понадобилась?» – с примитивными интонациями в мыслях подумала напрямик для меня моя реципиентка.

«Ты одна, что ли, едешь?»

«Куда там одна! С конвоем. Не пойму только, стерегут меня или оберегают. Четыре здоровенных лба при пищалях и пистолях».

«Тогда совсем ничего не понимаю».

«Ой, только не начинай, пожалуйста, рассуждений про бабскую психику и её непредсказуемые выверты. В принципе, я с твоими заключениями согласна, но обидно же!»

«Чувствуешь, что меняешься?»

«Ещё как!»

«Ладно, не трус, прорвёмся».

На постоялом дворе лошадь нам сменили мгновенно, чуть не приплясывая от усердия. Провожатые же ехали двое на козлах и двое – на запятках. Они успели принести нам горячего питья с мёдом – возможно, это сбитень. Ещё я успел заметить, что, кроме огнестрела, ребята вооружены саблями, а не шпагами, то есть не в европейском ключе обмундированы и оснащены, а с претензией на традиционность в одежде. Постоянно пытаюсь читать знаки, но потом, прочитав, не знаю, какие выводы из них делать.

Пробовал оценить скорость езды, но ни часов при себе нет, ни столбов верстовых. На очередной «станции» вместе с лошадкой сменились и охранники. Тот факт, что наступила ночь, ни на что не повлиял – мы продолжали мчаться. Если предположить, что лошадка пробегает двадцать километров в час, то при непрерывном движении есть шанс домчаться в два дня. Это что, такая конная эстафета организована? Как-то ещё непонятней мне сделалось.

Доставили Соньку на Кукуй, напрямик в домик, где мы оставили Лизу. Встреча получилась радостной. Домохозяйка наша сидела за – ни за что не догадаетесь! – рисованием. Завершала карандашный портрет незнакомца в парике. Новостей у неё особых не было, разве что про Петрушу, который изредка её проводит. Но царевич тут вздумал устроить попойку с друзьями, так она его строго отчитала и прогнала, вот он теперь и вовсе на глаза не показывается.

Софи, конечно, расхвасталась, что добралась аж до Урала и что на следующее лето подумывает пройти вверх по Чусовой и осмотреть места для устройства волока в реку Исеть, по которой хочет проникнуть в речную систему Оби и Иртыша.

Пока разговаривали, стемнело. К воротам подъехали сани, откуда вышла дама, постучавшая в ворота. Тут и козе понятно, что пожаловала царевна, причём с заявкой на то, чтобы не быть узнанной посторонними. Типа такие нынче на Москве тайны Бургундского двора.

Лиза её встретила и проводила в дом. Учтиво так, но без излишнего поклонения. Может быть, они и не знакомы.

– Здрава будь, Софья Алексеевна, – приветствовала посетительницу моя реципиентка.

– И ты будь здрава, – вернула вежливость царевна. – Не говори другим, что я здесь была. –

Она с сомнением взглянула на Рисовальщицу, которая поспешно понимающе кивнула. Гостья же уселась на стул и сообщила прямым текстом: – Василий Голицын помянул ненароком, будто ты ему неудачу в давешнем походе на Крым по картам предсказала.

В это мгновение я всеми душевными силами удержал Софьюшку от возражений и объяснений насчёт того, что имеет место недоразумение. Принудил соорудить смиренное выражение на лице. Бывают у нас такие внутренние междусобойчики по скоростному обмену сведениями, когда оба разума сливаются в один, а в управлении телом мы начинаем чередоваться, работая совместно.

– Не вели казнить, самодержица. – Я постарался придать нашей позе вид испуганный и виноватый.

– Не велю, если мне будущее предскажешь.

Пока я судорожно размышлял над тем, как воспользоваться суеверием этой высокоучёной, но всё равно бабы, Софи сделала решительный ход. Она гордо выпрямилась, подняла подбородок и, глядя прямо в глаза царевне, ответила:

– Казни.

А я помню её и в лобовой атаке на погонные кулевины испанского галеона, и в нырке под корму французского флейта. Девочка-подросток, превращающаяся сейчас в девушку, взяла в горсть чувства, распутала сумбур моих ассоциаций и нанесла безжалостный удар куда-то в самое чувствительное место трепетной женской души нашей высокопоставленной посетительницы. Умеют бабы больно куснуть.

Софья Алексеевна оторопела, прямо на глазах сдулась, закрыла ладонями лицо и всхлипнула.

– Неужели всё настолько безнадежно! – воскликнула она, пытаясь сдержать слёзы.

– Эм-м... Ну, это смотря какой глаз прищурить, – вкрадчиво произнёс я Сонькиным голоском. Плачущая женщина сразу сделала меня беспомощным, и я ей от всей души посочувствовал. – Но лучше смотреть в оба, – тут же заговорила со мной моя реципиентка. – А то ишь, с братом родным она поладить не может, а он, между прочим, войско готовит, чтобы тебя, глупую, от бояр оборонить. И науку воинскую постигает на страх смутьянам, ну и крымским всяким-разным Гиреям. Это ведь ты войском командовать послала дипломата! А почему бы не заставить хлебопёка сапоги тачать? Нет, принцесса, пока не одумаешься, не смиришь гордыню, блин тебе горелый, а не доброе предсказание.

Да уж, насумбурила Сонька так, что даже меня запутала. Но, кажется, до чего-то там в душевных терзаниях нашей гостьи достучалась. Вроде как взяла на понт, стихийно разобравшись в тонких эфемерных материях, и наступила на самую звонкую струну.

Лиза-Рисовальщица, глядя на это, поначалу испугалась, но быстро взяла себя в руки, набулькала в три деревянных стаканчика по паре глотков ямайского рома и поднесла на деревянном же подносике.

– Не пьянства ради, а здоровья для, – провозгласил я тост. – Хлебни, Софья Алексеевна, успокоительного из далёкой заокеанской земли.

– Дальше говори, – потребовала царевна, приняв из стаканчика и закусив пряником, поданным всё той же расторопной Лизой.

– Слух идёт, будто ты не хочешь брата своего на трон пускать, а сама короноваться собираешься, – доложила Лизавета.

– Дураков много, – подхватил тональность я. – Вот они и верят этой чуши. А иные и брату твоему, Петру Алексеичу, нашёптывают. Вот когда бы все видели, что ты подрастающего царя к делам великим готовишь, совет с ним держишь, оказывая уважение его будущим нелёгким трудам, об устройении государства беседуешь, ценя его познания и излагая свои размышления, когда с мнением его не согласна, тут бы и конец глупым пересудам. – Софи подхватила эту мысль: – Ведь ты отлично понимаешь, что бояре, случись меж вами открытая распря, на его сторону встанут, потому что ты им не любя, а он молод. Есть надежда дела его к своей, боярской пользе повернуть.

– А я? – вдруг вскинулась царевна. – Я же лучше его могу управлять.

– Не дадут, – отрезал я. – Потому что ты баба. Бумаги, куклы, тряпки, шпильки – вот твой удел в понимании окружающих. А Пётр в делах ратных упражняется, готовя себя к сражениям и походам. Чуть подрастёт, и его начнут бояться, как и должны все бояре быть покорны государю. Ты же не Орлеанская дева, чтобы впереди войска в сверкающей броне скакать на боевом коне.

– Но ты же управляешь кораблём! Даже в бою им командуешь! – отчаянно вцепилась в последний аргумент Софья Алексеевна.

– Было дело, – притворно развела руки в стороны Софочка. – По младости да от горячности. Сейчас тем судном другая девица распоряжается, пока замуж не вый дет. А уж потом и юноша мой знакомый опыта в кораблевождении наберётся до нужного уровня. Всё хорошо в меру. И нужно вовремя уступить мужчине, пока он не перешёл к применению силы.

– Он-то сейчас матушки своей слушается, как и пристало отроку, оставшемуся без отца, – добавила новую деталь Лиза. – А тебя чурается, подозревая в недобрых намерениях.

– Пацаны вообще склонны дерзить и не слушаться, – пояснил я. – Зато куда их не зовут, сами лезут. Что, князь Василий снова собирается на Крым?

– К ближайшему лету ему сил нужных не собрать, – вслух подумала Софья Алексеевна. – Стало быть, ещё через год снова двинет войско на юг.

– Вот про этот будущий поход мы и раскинем картишки, – плотоядно улыбнулась Софочка. – Лиз! Найдется у тебя карта Северного Причерноморья?

– Генуэзская. Я сама её срисовывала.

Глава 7. Бедная Лиза

– Здрав будь, герр Питер! – обратилась Софи к одетому в военный мундир будущему императору. – Ждала я тебя нынешним летом, дабы исполнить волю твою, в Архангельске-городе. Увы, видно не было на то божьей воли: дела не отпустили тебя, государь, из Москвы.

Мы находимся в Преображенском дворце, где проживают вдовствующая царица Наталья и сын её. Есть и дочь годом младше. Царевна Софья послала нас протаптывать тропку доверия к сердцу венценосного юнца.

– Помню тебя, Софья Джонатановна. И обещания твоего не забыл.

Юноша старается выглядеть солидно и говорить весомо. Он сейчас в окружении ближних, из числа которых я надёжно помню только про Александра Меншикова, но узнать, кто из этих молодых людей он, не могу. Никто не похож на артиста Жарова.

Тем временем Пётр отправляет товарищей к полку (все они тоже в мундирах), а сам усаживает меня на застеленную ковром лавку – это типа аудиенция.

– Писала мне сестра Софья, просила принять свою фрейлину для разговора о погоде. Так что там у тебя насчёт снегопада? – И смотрит с ухмылкой.

– Царевна не всё может сообщать тебе открыто, но и таить от венчанного на царство государя истинного положения дел не должна. Вот отчёт о последних поступлениях средств в казну и предложение об их израсходовании. Если ты эти намётки одобришь, царевне будет спокойнее, и она с уверенностью сможет втолковывать Думе уже не полную отсебятину, а волю истинного царя.

– Царя? – вскинулся Пётр. – Да она меня мальчишкой считает. Куклой послушной, слова её повторяющей.

– Пока ты рос и помогал ей, повторяя её речи, она, как могла, оберегала тебя от чрезмерных забот. Теперь это беззаботное время миновало. Ты стал не мальчиком, но мужем. Настал и твой черёд приступить к делам великим. Шаг за шагом – от простого к сложному. Вот как только почувствуешь, что овладел искусством государственного управления, так она сразу и передаст тебе власть. Шаг за шагом, не обрушивая на тебя единым махом непомерный груз забот державных.

– Тогда почему Софья мою матушку не слушается?

– Софья – дочь царя. Отец, твой и её, видя слабость здоровья сынов своих Фёдора и Ивана, постарался хотя бы дочери, девице пылливой и любопытствующей, дать знания, нужные для того, чтобы та смогла начинания его продолжить. Она лишь послушна воле батюшки своего и твоего, свято выполняет волю родительскую. А твоя матушка, как и полагается любой заботливой матери, боится за судьбу чад своих – тебя и Натальюшки. Как орлица над своими орлятами хлопочет и от всех тревог старается уберечь. Материнский инстинкт – он у всех: и у нас, млекопитающих, и у птиц, и у реп... гадов ползучих или пресмыкающихся. Даже у рыб холоднокровных. А для матушки твоей, Натальи Кирилловны, Софья – падчерица. Слыхивал, наверно, сказку о Золушке?

– Нет. Расскажи.

Пришлось рассказывать.

* * *

– Ты когда в другой раз придёшь? – спросил Пётр на прощание.

– До лета не свидимся, – ответила Софи. – Да и летом встретимся, только если ты захочешь на корабле по морю пройти и приедешь в Архангельск. Проведывать тебя станет фрейлина Уокер. Ты её знаешь, это та самая Лиза, которая сердита на тебя.

– А если я прикажу, чтобы приезжала ты?

– Бабами бабы командуют, а ты, поскольку мужчина, парнями распоряжайся, – резко высказалась Софи. Признаться, царевич её несколько раздражал. Детскость его была не такая, как во взращённых нашими трудами английских школярах, а чересчур царственная. – Через седмицу или около того мне приказано исполнить волю госпожи моей в месте дальнем и хладном.

– Какую волю? Где? В Архангельске?

– Софья Алексеевна не поручала мне рассказывать тебе об этом. Не могу же я самовольничать! Но ты же царь! Можешь сам спросить её об этом письмом. Или лично. Да хоть бы приказать ей сюда явиться и доложить.

– Эй! Чернил и бумаги! – крикнул в пространство будущий император.

Вскоре затребованное было доставлено, и юноша собственноручно написал записку:

Софья! Повелеваю тебе явитца ко мне. Пётр.

– Дозволь, государь, я перебелю. А то бумага тебе попалась неровная, буквы показывает неправильно.

– Да, перепиши.

И через несколько минут:

– Почему так долго?! А ну, дай прочту!

Пётр схватил бумагу, не дав чернилам просохнуть.

Любезная сестрица моя Софьюшка! Мы столь давно не встречались, что я стал беспокоен: здорова ли ты? Не откажи, порадуй брата твоего встревоженного столь долгой неизвестностью, навести меня в селе Преображенском, а то я так занят изучением премудростей военных, что времени приехать к тебе не имею.

– Хм. – Пётр глянул на меня слегка ошалевшим взглядом. – Неладно выходит. А раньше ещё более неладно было. Коня! – крикнул он снова в пустое пространство.

– Бюджет посмотришь, когда вернёшься? – ехидно напомнила Софи.

– Ладно, – вдруг остановил свой порыв наш венценосный собеседник. – Показывай, чего там. И объясняй.

– Я, ваше величество, государственным делам не обучена, – с ехидством в мыслях отбрила Софи. – Это сестрице твоей батюшка ваш Алексей Михайлович, царство ему небесное, мог что-то растолковывать, а мои родители – простые дворяне.

Пётр смотрел на Софи злым взглядом и о чём-то напряжённо размышлял. Не привык он, видимо, к тому, чтобы ему перечили. К тому же девка перед ним. Пусть одетая в мужское платье и при шпаге, но с косичкой, перекинутой на грудь через плечо. Дерзкая и самоуверенная.

– Ладно, ступай, – справился с гневом будущий император.

– Фрейлины мои Софья и Лиза, – представила нас с Рисовальщицей царевна. – Не пристало самодержице российской не иметь при себе того, что при других дворах заведено.

А теперь, бояре, подумаем о делах Крымских. В этом году трудами Леонтия Романовича Неплюева были сожжены татарские крепостицы по Днепру и разгромлены орды, их защищавшие. В то время, когда главное наше войско оттягивало на себя основные силы неприятеля на подступах к Перекопу, турецкие войска, опасаясь нас, остались под Стамбулом и не пошли ни на Австрию, ни на Польшу. Таким образом, получение на вечные времена Смоленска и Киева

мы перед союзниками отработали и вдобавок к этому приобрели Очаков. А нынче намерены строить линию укреплений по реке Самаре...

Я слушал выступление царевны, явно подготовленное канцлером Голицыным, и с удивлением понимал: не хочет Василий Васильевич брать этот полуостров. Засушливый по большей части, населённый чуждыми по духу и вере людьми, привыкшими жить с добычи. Уязвимый с воды, и это при полном отсутствии у России флота. Да такой «довесок» сейчас и с приплатой не надобен. Его нынче не завоёвывать нужно, а отсечь, как слепой отросток, отгородившись от татарских набегов. Однако долг перед союзниками по антитурецкой коалиции – Австрией и Польшей – вынуждает имитировать нападение, пугать турок и отвлекать их от экспансии на север.

Вообще-то, ввязываться в большую политику ни я, ни Софи не собираемся. Так что спасибо за политинформацию. А уже завтра при царевне останется лишь одна фрейлина. Потому что вторая теперь имеет официальное положение в обществе и располагает значительными полномочиями. Фрейлина Корн и «людишки ея» исполняют волю самодержицы, и «препятствий им не чинить».

Что же касается Лизы, то теперь её судьба в её руках. Девушка она неглупая и невредная, да и образование какое-никакое успела получить. И мне кажется, сама о себе полагает, что она по-прежнему остаётся в нашей команде. Ведь ещё там, под Ипсвичем, не уходила из школы, то есть ей было комфортно в нашей несколько шебутной компании. Сейчас же она имеет задачу намекнуть Петру, что его потешные вооружены настоящими ружьями и вполне могут уже через годик, пока основное войско будет отвлекать внимание турок и татар, нависая над Перекопом, взять изгоном Азов – если нагрянут внезапно. Только маме об этом рассказывать не надо: не пустит.

А у меня новая забота – чугуны. Царевна желает пушки. Придётся поторопиться, чтобы к началу навигации быть свободной. Благо этот самый чугуны выплавляют в Туле.

* * *

Зимники – великое благо для России. Несколько тонн чугуна из Тулы доставили прямоком в Котлас. Туда же из Архангельска на санях привезли огнеупорный кирпич, из которого сложили горн. Топили его конденсатом от берёзовых дров, подавая через форсунки. И воздух подавали. Сначала только в пламя, а уже потом и сквозь расплав прокачивали, чтобы получить воздушно-конвертерную сталь.

Дальше – по накатанной. Ударом бронзовой пики вытягивали ствол четырёхфунтовки стандартного веса в пятьдесят шесть килограммов. Наглухо заделывали казённый, сверлили запальное отверстие и горячей посадкой ставили обруч с цапфами. Наши опытные мастера теперь «выездные», а решаемая задача для них тривиальна. А тот факт, что главного пушкаря отец забрал с собой на Ямайку, не значит, что без него некому провести давно отработанные операции. Процесс привычно разложили на этапы, основное оборудование привезено из Англии. Бери и делай.

Показали готовые орудия мастеру, прибывшему для приёмки из Пушкарского приказа или с Пушкарского двора – по мне, одна контора. Дали пострелять – хоть ядрами, хоть картечью. Всё прошло гладко: система привычная, калибр стандартный – восемьдесят четыре миллиметра. Единственное отличие – ствол заметно легче и может заржаветь, если его не беречь от воды. Так это не великий недостаток: сняли с лафета и уложили в добротный ящик, который прилагается. Лафет тоже. И тележка для огненного припаса, выполненная в стиле артиллерийского передка, возимого одной лошадкой. Да, компактная мобильная артсистема, развернуть и свернуть которую может даже один канонир.

Так что фирма веников не вяжет.

На основном направлении дела у нас тоже наладились: закончилась нехватка мотористов, поэтому нашлось предназначение даже разъездному катеру катамаранного типа. Его оборудовали как передвижную астрономическую обсерваторию. Нужны точные координаты хотя бы самых важных городов, стоящих по рекам. А то у нас одни карты не быются с другими, вся география расплзается. Всего пять точек достоверно определены. Пятая – Котлас.

Почему именно он? Отсюда в четыре стороны ведут длинные реки, и леса вокруг много. Именно он на долгие века будет главным материалом для постройки судов.

* * *

– Дык... эта... Джонатановна! Кто теперь здесь главный? Я или этот твой Дальновязов?

– Ты, Сила Андреич. Билл при тебе начальником производства будет. Ты ж погляди, как он уверенно мастерами командует!

– То-то и оно, что командует, меня не спросясь.

– Радовался бы, что помощник у тебя распорядительный. Но если не люб он тебе, заберу его в Архангельск. Он там мне самой до зарезу нужен, да ради твоего удобства я его отсюда скрепя сердце отпустила.

– Погоди забирать. Я энто... тоже сердце скреплю. А можно мне дёготь продать? Новые-то шпалы для волока уже им пропитали, бочки в сарай не вмещаются, а энто, Тимоха, всё гонит его и гонит.

– Продавай.

Дело в том, что мои Кулибины здесь, в Котласе, склепали вакуумную камеру. Фиговенькую, если честно, но разрежение до пятой части атмосферы выдерживающую. Заталкивают туда трёхметровые бруски, час откачивают, а потом через трубку запускают туда дёготь, который обезгаженные и обезвоженные древесные поры всасывают как губка, даже с причмокиванием. Вообще-то технология разрабатывалась для скоростной просушки корабельного леса, но повреждения структуры волокон, происходящие при быстрой откачке воздуха, ухудшали прочность пиломатериалов.

Зато для шпал этот вариант показался мне приемлемым. Их ведь в двадцатом веке тоже чем-то похожим пропитывали. Каким-то креозотом, пахнущим сходно. А у нас шпалы в той прочности, какая требовалась для дорог, пропускающих тысячетонные составы, не нуждаются. Двух дюймов толщины при ширине в четыре вполне достаточно. Пятьдесят на сто миллиметров, если в дюймах неудобно. Потому что на четырёхколёсную тележку предполагается нагрузка всего в пятьсот килограммов. А протаскивать по этому волоку баржи мы больше не собираемся: перегоним через болотный кельтминский канал мимо Соликамска. Пусть и вкругаля, но не испытывая лишний раз прочность наших облегченных сверх всякой меры корпусов.

– Звала, Соня?

– Да, Фёкла Силовна. Новое назначение для тебя. Братца своего младшего забирай с собой шарманщиком и поезжай в Архангельск. Вместо баржи примешь под команду малый катер. Вот такой флаг поднимешь. Будешь водить гидрографическое судно его величества царя Петра Алексеевича «Пескарь». Третьей в экипаж примешь девицу Люси. Она горазда, на звёзды гляючи, широту места находить и по солнцу полдень определять, а по луне и географическую долготу высчитывать. В Каму-реку в караване пройдёте, а уж дальше будете останавливаться в важных городах и дожидаться погоды для наблюдений. В Соликамске, Перми, Нижнем Новгороде, а потом вверх по Оке положите на карту Рязань, Коломну, Калугу и ищите дальше дорогу по воде на Тулу. А потом нужен волок на Дон. Как они на наш манер устраиваются, ты видела. Так что сообразишь. Так ты что, писать умеешь? – удивилась Сонька, увидев, что Фёкла добыла из сумки тетрадь и делает в ней пометки.

– Обучена.

Да уж, среди поморов и девицу грамотную можно встретить.

Кто такая эта Люси? А, это та тихоня, что обычно на кухне при Бетти старалась обучение отрабатывать. Она, между прочим, курс астрономии слушала, ещё когда Софочкин папа его преподавал. Считает вполне хорошо. Придётся, конечно, проверить и подтянуть, если что-то подзабыла, но основа у неё есть.

Какой такой флаг? Ещё тот, что приняли, когда строили первый русский корабль «Орёл»? Сам этот корабль то ли сгорел, то ли сгнил в Астрахани во время восстания под руководством Степана Разина. Но царица Софья его видела. И корабль, и флаг на нём поднятый. Она по одной из Лизиных картинок даже тип его опознала – это был пинас.

Глава 8. Мелочная и проходная

Полагая, что следующую навигацию проведёт, плавая по рекам, Софи решительно занялась хозяйственными вопросами, намереваясь решить их до того, как Северная Двина освободится ото льда. И вопросов этих оказалось не так уж много.

Как-то основные процессы постепенно наладились. В обеих школах, архангельской и котласской, преподавание письма и чтения вели местные специалисты из числа служителей культа – дьячки. Арифметику в первых двух классах преподавали уже наши, ипсвичские, из тех, кто прослушал полный курс и научился уверенно разговаривать по-русски. Аналогично было и с природоведением. Астрономии обучала Мэри. Но это только в Архангельске.

Достроили шестую и седьмую баржи – тупоносые. На все их установили моторы и подготовили мотористов. Выяснилось, что одежда для моряков на период перехода по морю Студёному теперь шьётся из нерпы, потому что наши наряды из белька очень быстро изнашивались. Оставалось позаниматься с капитанами речных судов. Проверить, в каком состоянии они содержат табельное оружие – капсюльные револьверы. Выучили ли свод сигналов? Умеют ли пользоваться семафорной азбукой? А световой? Разбираются ли в сигналах, вывешиваемых на судах во время хода и стоянки? Всё это было в разное время сообщено им бессистемно, урывками, от случая к случаю, поэтому требовало вмешательства и коррекции.

И капитанов у нас уже не семь, потому что в ходу два семитонных верховских карбаса и один пятитонный холмогорского типа, все винтовые. Ну и два разъездных катера, снабжённых всем необходимым для проведения астрономической обсервации. Иван, наладив хозяйство корабельного двора, приступил к созданию теодолита. А вот хронометры наши не слишком точны: за сутки часы с деревянным дисковым маятником могут и на минуту уйти, и на полторы. С установкой хранения времени пока ничего не получается, как и с вариатором.

Немного усовершенствовали земснаряд на четвёртой барже: теперь направление размывающей грунт струи не нужно корректировать руками – прицеливание осуществляется корпусом всего судна. А на время работы в таком режиме ход обеспечивается педальным приводом на колёса, потому что тут торопиться не следует. Ребята попробовали пробиваться через сплошной берег, а не сквозь болотную жижу, и это оказалось не так уж безнадежно. Через песчаные косы и намытые рекой острова проходить получается, если не мешают коряги или камни. Для разборок с ними на носу поставили небольшой поворотный подъёмный кран со стрелой, поднятой на постоянный угол.

Кроме лота и часов в каждой рубке установили остекление, барометр-анероид и компас, объединённый с дальномером, чтобы упростить и ориентирование по картам, и снятие местности на план. Моторы пока унифицировать не стали: у нас в ходу и шестидюймовые, и трёхдюймовые – не знаем, какие лучше. Причём усовершенствования продолжаются.

Химики ждут с Ямайки каучук и ром, а конструкторы – бакаут, железное дерево. Горшечники исследуют местные глины и подбирают режимы сушки-обжига.

* * *

«Жил отважный капитан, он объездил много стран, и не раз он бороздил океан», – мурлыкаю я про себя песенку Паганеля из старого чёрно-белого фильма про детей капитана Гранта. А Софи притаилась и запоминает. Нравится ей исподтишка перенимать мотивы или тексты, а иногда и то и другое. Особенно она насторожилась при словах: «И влюбился как простой мальчуган». Ну а когда я домурлыкал, то получил по мозгам и ушёл в отключку.

Снова воспринимать действительность я начал во время разговора моей реципиентки и Рича. Не о любви или судьбах мира они толковали, а о метелях и снегопадах, что не так уж редки тут в эту пору.

Мистер Клейтон, оказывается, слушает курс астрономии, преподаваемый его капитаном, и со скрипом зубным штудирует тексты на латыни, касающиеся ориентирования по небесным светилам. Проклинает себя за то, что в детстве был неусидчив и вместо того, чтобы прилежно работать, тупо бакланил на уроках.

Софочке удалось прекратить смущаться и вернуться к нормальному общению с предметом своих воздыханий. Кажется, обоим от этого стало легче.

Старая гвардия поэтапно перебирается в село Котлас, где немного теплее в силу того, что оно километров на пятьсот южнее. Место это в меру тихое и в меру оживлённое. В полутора десятках километров вверх по Вычегде находится Сольвычегодск с обстоятельной каменной церковью, построенной Строгановыми. В сорока километрах вверх по Северной Двине, у слияния Сухоны и Юга расположен Великий Устюг – оживлённый город, где ведётся торговля и мимо которого перевозятся грузы, со всех направлений стекающиеся в Архангельск. Отсюда зимой на санях не так уж далеко до центральных районов России.

Постройка же речных судов пока сосредоточена в Архангельске: немало местных жителей трудоустроились при корабельном дворе и отчасти переняли наши приёмы. Да и как тут не перенять винтовые гвозди, прижимающие доски к набору своими планшайбами и держащие их так, что не отдерёшь. Или болты, которые прочнее широко распространённых в этих местах деревянных нагелей. И если расшатались, то и подтянуть можно.

Мы не слишком скрытничаем, потому что остро нуждаемся в кадрах, пусть и не всесторонне образованных, но понимающих, как это всё у нас устроено и как работает. Да и моим толстошням не вредно познакомиться с накопленным поморами опытом. Например, под руководством тутошнего мастера на нашем стапеле был выполнен коч – этакая полубочка, чуточку заострённая к окончаниям. Парни просекли и конструкцию, и принципы скрепления набора и обшивки, ну и кое-что сделали на свой манер. Вместо вицы – еловых корешков – прошили корпус катанкой из мягкого железа, а нагели заменили болтами.

Ещё дядя Фёдор – наш консультант и будущий владелец строящегося судна – очень хлопотал о постановке кораблика на колёсный ход, для облегчения перемещения коча по суше. Тут сразу начались расчёты, прикидки о способе перевозки шасси морем во время перехода, удобстве его постановки на тележку и прочих хитростях, превращающих неуклюжее медлительное корытце в прототип амфибии.

Конечно, Сонька не могла не заинтересоваться такой особенностью.

– Ты, дядя Фёдор, что, собираешься коч свой на берег имать для зимовки?

Мужик замылся, явно не желая говорить.

– Если обскажешь толком, так парни куда как способней к делу твоему это судно приспособят. А то вижу, что ты и сам не поймёшь, как лучше сделать.

– Так это, Софья Джонатановна... Не бывал я там. Только от деда слыхивал о пути до города Мангазеи. Знаю, что ход тот запретили ещё задолго до моего рождения. Ну, думаю, отчего бы не попытаться? Старики поговаривают, очень богатое место. Сокровища там несметные.

Слыхивал и я кое-что о Мангазее. Она где-то чуть ли не в устье Енисея находилась, как припоминается¹. Но почему этот путь на восток не получил развития, не знаю. Однако дело интересное.

¹ Автору известно, что Мангазея располагалась вовсе не на Енисее. Но внутренний голос не раскапывал этот вопрос: он не собирался попадать в данную эпоху.

– А давай-ка, дядя Фёдор, ряд с тобой заключим. Я тебе помогу со снаряжением и человека в помощь выделю, чтобы крутил тебе шарманку. Так что станешь ты купцом, товары везущим из далёкого края. Цены и прибыли с торга меня не интересуют, а только для перевозки станешь мои суда нанимать.

– Шарманку на коч? А ведь это ладно. Только я уже и не знаю, чем с тобой расплатиться за железное шитьё и за болты. А тут ещё и шарманщика с шарманкой сулишь. Где мне столько средств взять?

– Так говорю тебе: расплатишься потом. Жизнью ведь ты рискуешь, а я – только железными изделиями. Ну, ещё нужно будет кого-то из недоучек моих уговорить в рискованный поход пойти.

– Недоучку из твоих я сам уговорю, – поправил меня дядя Фёдор. – Мне с ним путь делить, мой и выбор.

Разумеется, я отдаю себе отчёт, что этот хитрила выберет собственного сына, отходившего прошлую навигацию мотористом на тупоносой ипсвичской барже. Полагает, что таким образом всё приобретённое в планируемом путешествии достанется его семье. Наивный. Да без того же машинного масла мотор работать откажется. Нет, этот мужик просто не всё ещё понял. Надеюсь, сын ему объяснит всю глубину подобного заблуждения, поскольку и сам не сразу поверил, что воду в бачок нужно заливать дистиллированную, а то накипь забьёт все коммуникации, после чего двигатель уйдёт на переплавку.

А пока – счастливой дороги.

* * *

План новой навигации у нас уже сложился. Две баржи курсируют между Вологодой и Архангельском, выполняя регулярные грузовые рейсы. Одна бегаёт между Поволжьем и нашим волоком, доставляя зерно. Четвёртая эту пшеницу отвозит в Архангельск. Здесь идёт работа практически на одного купца. Ещё две баржи с полным грузом и одна недогруженная, земснарядная, везут в Соликамск товары Строгановых, а потом возвращаются опять гружёные. Скорее всего, им тоже придётся курсировать по этому же маршруту.

Весь двенадцатитонный флот загружен. Оставшиеся три моторных карбаса будут выполнять мелкие перевозки, содержания которых заранее не предугадать. Фёкла займётся картографированием Камы и Оки, разыскивая дорогу к Дону. А ещё на одном «разъездном катере» сама Софи попытается нащупать путь через Уральский хребет по реке Чусовой. Этой дорогой Ермак со своими казаками добрался на стругах до Сибири. Но смущают меня Чусовские бойцы – это вроде как и не перекаты, но на этой реке места, известные своей опасностью. Там бывает, что барки разбиваются. То есть о них много чего нехорошего поговаривают, однако нужно посмотреть самим: из разговоров всего не уяснишь.

В море из Архангельска раньше конца мая – начала июня на больших судах стараются не выходить: льды непредсказуемы, да и не так-то просто их разглядеть. К тому же со стороны Баренцева моря, которое сейчас именуют Студёным, эти самые льды могут набиться в гирло. А вертолётную разведку ледовой обстановки тут когда ещё наладят! Поэтому «Энтони» остаётся у причала. Нашей шхуне нынче обшили днище некачественной почерневшей бронзой, которую перелили в листы и раскатали. Поглядим, будет ли днище с таким покрытием обрастать.

Зато река вскрывается в течение апреля – когда в начале, когда в конце. Нынче – в конце. Уже на другой день целая флотилия барж покинула порт и направилась вверх по течению. Я упоминал, что с нашими моторами очень непросто уравнивать скорости. Так это и осталось. Одни убежали вперёд, другие вытянулись следом. Хождение караваном в наши задачи не входит, а дорога известна каждому. «Прогулочный катер», на котором в дорогу отправилась Софи, не винтовой и не катамаран – обычная колёсная плоскодонка с малой осадкой, заточенная на

хорошую вёрткость (для чего сделана короткой – шесть метров) и на высокую скорость: мы ведь неизведанным путём собираемся пройти.

Сейчас слева приближается устье Вычегды, отчего мы держимся по возможности левее, чтобы не угодить в протоку, где от нужного берега нас отрежет остров. Протока эта как раз и есть самая прямая дорога, отчего ею чаще всего прогоняют сверху барки и плоты.

– Капитан! Справа курсовой тридцать нарядный струг, – докладывает рулевой.

Софи тоже его разглядела и навела зрительную трубочку. Вот это номер! На носу, горделиво поглядывая по сторонам, стоит Пётр. Хозяюшка моя немедленно поднимает сигнал «Вижу ясно». Моторист отсыпается в форпике, рулевой рулит, так что больше некому. Нас на судне ровно трое.

Рядом с одетым в русский кафтан царём появилась фигурка в зелёном и двумя шапками пишет семафором «ай-ай», подтверждая установление двусторонней связи. В трубочку удалось разглядеть Лизу в преображенском мундире.

– Право на борт, – приняла решение Софи. Это она не нашему рулевому скомандовала, а передала флажками на струг.

Видна краткая дискуссия между юным государем и фрейлиной Уокер, после чего встречное судно поворачивает, если смотреть от нас, налево, входя в устье Вычегды.

Мы тем временем, двигаясь заметно быстрее, по дуге подходим к нему с его левого борта и обгоняем, подняв сигнал «Встать ко мне в кильватер». Видно, что Лиза уже перевела это указание, возможно, смягчив формулировку. Ну да тут до входа в залив, на берегу которого расположилась наша база, всего полтора километра, не успеет струг отстать. К тому же кормщик явно приободрил гребцов.

Прижимаемся к правому берегу в протоку между материком и островом, сворачиваем через горловину в залив и разрываем сцепление двигателя с колёсами. По инерции, плавно гася скорость, подходим к бревенчатому пирсу, становясь к нему правым бортом. Левым сюда же чалится и царский струг. На него подают сходни, а нам на причал нужно подниматься, если с палубы. Закрепили концы, подтянулись.

– Гаси шарманку, – командует моя реципиентка.

Она выбирается на пирс прямо с кожуха гребного колеса и подходит к царю:

– Здрав будь, герр Питер.

Глава 9. Трудно работать царём

Приход царского струга наделал на корабельном дворе большого переполоха. После того как безупречно сработала причальная команда, все, кто наблюдал происходящее, сначала оторопели, а потом принялись носиться. Хотя некоторые стояли, замерев. Наконец весть донесли до Силы Андреича, который, выйдя на крыльцо, ничего лучшего не придумал, как бухнуться в ноги. Не здесь, на пирсе, а прямо там – на крыльце. Метрах в пятидесяти от того, кого столь восторженно приветствовал.

Тут из кузницы появился вытирающий руки тряпицей Билл с Дальних Вязов и, увидев меня, направился в нашу сторону.

– Это царь, – подсказал кто-то из челяди, пытаясь удержать парня от возможной неучтивости.

– Очень приятно, Царь. Меня зовут Билл. Здрава будь, Софья Джонатановна. Привет, Лиззи. Моё почтение остальной компании, – оглядел он свиту.

Лиза невольно фыркнула, а Пётр залился смехом: похоже, юмор ситуации ему понятен.

– Билл! Царь – это не имя, а профессия, – поспешил вклиниться я. – Пётр Алексеевич как раз сейчас проходит обучение этому ремеслу и уже достиг определённых успехов. Не меньше чем до подмастерья дорос.

– По-английски слово «царь» значит «король», – подсказала Лиза.

– Наследный принц? – Билл принял озадаченный вид. – Ты будешь великим правителем, потому что учиться есть правильно. – Русским он пока овладел не в совершенстве.

– Не наследная принцесса Софья Алексеевна заботится о том, чтобы брат её получил образование, достойное столь протяжённой державы. – А это уже вброс в исполнении Лизаветы для, несомненно, присутствующих в свите засланцев от Нарышкиных и Милославских.

– Да, сестрица проявляет обо мне всяческую заботу, – немедленно включился в спектакль будущий император.

Кажется, фрейлина Уокер оказывает на него благотворное влияние. Только вот не слышу я в голосе Петра особого энтузиазма.

– Билл! Покажи своему новому знакомому царю... ну, о чем там в кузнице стучат. Вась, слупи с государя кафтан. Дим, дежурную тужурку из машинного и фартук, – распорядилась Софи, уже уловившая канву происходящего. – Дядя Сила! Вели подавать обед для гостей дорогих.

Как всегда в напряжённый момент, эта юная леди сработала на опережение, отделяя главное действующее лицо от путающейся под ногами разряженной в пух и прах шушеры.

Команды капитана Корн, как и рекомендации профессора Корн здесь выполняют охотно. Свитские как-то замешкались, и только один прошёл вслед за государем в кузницу. Не помню, старше был Меншиков или ровесник, но этот слишком молодой – точно не Александр Данилович.

– Не перегрей!

– Ровней держи!

– Сгибай, просовывай, добивай! – начало доноситься из распахнутых дверей, чередуясь со звуками ударов.

– А почему фрейлина Уокер не сопровождает Петра Алексеича? – послышался ехидный голос какого-то челядинца.

– Не люблю ковать, – отрезала Лиза.

Свита проследовала в трапезную, двери которой гостеприимно распахнул Сила Андреич. Народ, толпившийся во дворе, расступился, образовав проход.

– Петя с Софьей как кошка с собакой лаются и шипят друг на друга, – тихонько пояснила для меня Рисовальщица. – Но на людях держатся корректно и твердят одно и то же. Вообще-то ему не так уж хочется заниматься скучными государственными делами, больше тянет сделать что-то осязаемое – да хоть бы табуретку. Сдаётся мне, что ему сейчас нужны приключения, новые места, общение с интересными людьми, а то у него в этом Преображенском дворце всё время происходит одно и то же, и словно по заколдованному кругу крутятся повторяющиеся события – маршировка и пальба из пушек. Мне кажется, он просто убегает от этого однообразия то в мастерские, то ко мне.

– А к тебе-то зачем?

– Про Амстердам слушает, про Англию, про Архангельск, который я совсем мало знаю. И про бой в гирле Белого моря, хотя я же тогда просто снаряды в ствол пушки закладывала. Вот и видела одно это жерло да ящик зарядный. Иногда Петя смотрит, как я учусь на гитаре играть.

– Учишься?

– Твоя мама дала мне несколько уроков и показала упражнения.

После этих Лизиних слов Сонька обрадовалась:

– Консуэллка не раньше чем завтра в Архангельск уходит с харчами для шхуны. Собрёмся вечерком, пощиплем струны.

– На карбасе моторном уходит?

– На чём же ещё? За квашеной капустой приходила и за зелёной гречкой, – вспомнил я. – Может, ещё у местных бруснику отыскала или клюкву. Я её сегодня не видела. – Тут вклинилась Сонька: – Так царь на шхуне кататься едет?

– Ну да. Как раз к началу навигации хочет угадать.

– До Амстердама пойдёт? Или сделает кружок по морю и обратно воротится?

– Собирался по морю с тобой, Софья Джонатановна, до Соловков проехать на «Энтони».

А теперь уже и не знаю.

– В чинах мы равных, Лиз, давай по именам и без величаний. Ты фрейлина, и я фрейлина.

А чего ты не знаешь?

– Ой, Сонь! Бояре-то царевне ещё четырёх фрейлин навязали. Как нетрудно догадаться, две из партии Милославских и две – из группировки Нарышкиных. Софья Алексеевна не знает, чем их занять. Так я подсказала организовать из них Бабский приказ и личную переписку самодержицы в порядке хранить – послания от неё Петру и обратно. То есть как приставили их для надзора, так пущай и надзирают. Петрушины-то письма я сочиняю, так что там всё по плану. А от неё к нему они под диктовку пишут да потом перебеливают. Но настоящие вопросы я на словах передаю. То есть полк потешный до тысячи человек комплектуют, мушкеты им самые лучшие и прочая амуниция. Учения лодочные на это лето спланированы.

– Не поняла, – врубился в этот щебет я. – Пётр и Софья заодно или как кошка с собакой?

– Притираются. И искрят. Петруша вылазку к Азову тайком от неё планирует. Он думает, что тайком, а она споспешествует, делая вид, что потакает капризам юнца. Так сможешь ты его войско быстро доставить от Преображенского до Азова?

– Готовимся, – улыбнулась Софи.

* * *

В лунном сиянье снег серебрится,
Вдоль по дороженьке троечка мчится.
Динь-динь-динь, динь-динь-динь —
Колокольчик звенит.
Этот звон, этот звон о любви говорит.

В лунном сиянье ранней весною
Помнишь ли встречи, друг мой, с тобою.
День-день-день, день-день-день —
Колокольчик звенит.
Этот звон, этот звон о любви говорит.

Вспомнился зал мне с шумной толпою,
Личико милое с белой фатою.
День-день-день, день-день-день —
Звон бокалов звучит.
С молодой женой мой любимый стоит.

Вот что спела Софочка под аккомпанемент гитары за вечерней трапезой, чтобы потешить высоких гостей. Слова, конечно, переставила, да я и не уверен, что помнил их все без погрешностей.

А потом был разговор с князем Фёдором Юрьевичем.

– А ну, говори мне, фрейлина Корн, что вы с Лизкой учинить собираетесь? – без излишней деликатности обратился ко мне человек телом крупный и лицом неприветливый. Это типа аудиенции, но с парой плечистых молодцев за нашей с Софи спиной.

– Что государь пожелает, то и учиню. Захочет пройти на паруснике по тесному Белому морю – прокачу. А прикажет показать ему просторы страны его необъятной – проведу по рекам. Говорят, Кама по весне величественна. А ещё впадает в неё Чусовая, что пересекает Уральский хребет. Опять же, Волга – мать русских рек – чудо как широка. Многие люди, по разным обычаям живущие, города старинные и новые. Рыбные ловы, коих ещё князь Александр Невский не чурался. Я и сама там не бывала, а увидеть охота. Я ведь, мистер Ромодановский, к хождению по водам с малолетства склонность питаю. Оттого и стремлюсь по рекам плавать. А с рек видно широко и двигаться по ним быстро.

– Ты мне про шарманки доложи. Сколь сделать можешь и в какой срок?

– Человека, способного шарманкой править, нужно семь лет учить. Англичане, что со мной приехали, столько лет науки и превозмогали, но таких и десятка нет, – решил я зайти от печки. – Школяры в Архангельске всего два года занимались, а в Котласе – одну зиму. Так что лет через пять-шесть появятся и здесь люди, способные со столь непростыми устройствами работать. А пока приходится доверять недоучкам, каждое их действие контролируя. Обождать придётся, Фёдор Юрьевич. Ведь даже если собрать вместе девять баб, за месяц они не родят. То же самое и с количеством шарманок. Если делать их наспех, неумелыми руками, то они будут плохо везти. Умельца же в три дня не выучишь. Но я пекусь и об этом. И тут тоже нужно несколько лет подождать. К той поре Пётр Алексеевич окончательно встанет на крыло и уже покажет всем, куда Кузькина мать посылает раков зимовать. Возьмёт державу твёрдою рукой и позволит мне ходить по всем рекам и грузы возить.

– Зачем тебе грузы возить? Ведь и без того богата!

– Без дела скучно.

– А песню спела, чтобы Лизка в царицы не метила?

– Не метит она. Это чтобы Пётр Алексеевич к ней свататься не измыслил. В земле русской обычаи старинные блюсти надобно. – Это я вставил слово мудрое.

– Пушки, что ты поставила, те же, какими с англичанами в Белом море билась?

– Нет. Эти лучше. Легче и калибром крупнее.

– Тогда почто на шхуну свою такие не поставила?

– Под ту огнезапасу много наготовлено и лафет хитрый излажен. Переделывать дюже многодельно, а смысл невелик: у врагов и таких нет. Зачем бить молотом, если довольно и ладонью прихлопнуть?

– Ишь какая разумная! Даром что баба. Тогда Расскажи мне: что забыла в Мангазее?

– А может, ты, Фёдор Юрьевич, разобъяснишь мне, где эта самая Мангазея была и отчего её не стало?

– Где она в точности, того не знаю. А не стало её потому, что в городе этом англичане торг вели беспощинно, пользуясь данными им привилегиями. Та самая лондонская Московская компания богатела, а казна от этого не наполнялась.

– То есть что, англичане дотуда на морских судах доходили? – удивилась Софи.

– А чего бы им не доходить?

– Разве льды им не препятствовали?

– Про льды и пути не ведаю. Но обязательно выясню.

– Пожалуйста, Фёдор Юрьевич, миленький, разузнайте? Может, карты какие-то где-то сохранились? Так бы крепко они мне помогли! А вы, я знаю, всё-всё разузнать можете.

Ну да, припомнил я, что князь этот чем-то вроде контр разведки занимался. Или политическим сыском? То есть фигурой был очень сильной.

– Ты в своём ли уме, девка! Ты же и есть та самая англичанка, от которых эту дорогу закрыли. Наглость твоя просто немыслима. Жаль, что Пётр Алексеич к тебе пристрастен, а то бы мигом в железа заковали и в края холодные отвезли. Так что ни в Мангазею не суйся, ни в Чусовую. Этот путь нынче тоже для иноземцев запрещён. Даже если они фрейлины самодержицы.

Вот так одним плевком в душу этот дядечка и перечеркнул мне все планы на лето.

Глава 10. Будни

Этой ночью Софи долго не спала, досадуя на то, что столь долго вынашиваемые планы сорвались. Обидно было – сама проговорила Ромодановскому о своём намерении заглянуть в реку Чусовую. Смолчала бы – потом имела бы право честно сказать: не знала, мол. Да и могли об этом просто не узнать: вряд ли там острог стоит или таможня. А вот насчёт Мангазеи – тут куда как хуже. Кто бы мог донести? Ведь всего-то и был об этом один мимолётный разговор. Видимо, приглядывают за корабельным двором, пусть и негласно, зато недреманно.

Пришлось на неопределённое время задержаться здесь: неучтиво уезжать, когда к тебе сам царь пожаловал. Поэтому караван из трёх барж, идущий на Соликамск, в течение буквально пары часов миновал Котлас, по одной заходя в залив, на берегу которого раскинулся лодочный двор. Все эти корытца двигались исправно, просто растянулись из-за того, что не тратили усилий на уравнивание скоростей. В отчётливо видимом флагмане тоже никто не нуждается до самого поворота в Кельтму, где без направляющего будет уже не обойтись.

Все суда по очереди вставали тупыми носами к неподготовленному берегу, поскольку единственная пристань оказалась занята. Капитаны узнавали новости и получали уведомление о том, что «Лещ» в дальнейшем походе участия принимать не будет, после чего продолжали движение. Да, нашему самому быстрому кораблику предстоит на какое-то время стать царской яхтой.

Но пока Пётр завис в мастерских. Конкретно – в токарне, где сейчас гонят массовую продукцию. На потоке стоят прялки – не веретёна, а немудрёные устройства, заглатывающие льняную кудель и скручивающие её в нить, которую наматывают на шпулю. Привод традиционный – от педали, которая через кривошипно-шатунный механизм вращает колесо. Прямо как на картинке девятнадцатого века типа «Молодая пряха у окна сидит».

Молодой царь поочередно осваивает операцию за операцией, переходя от одних деталей к другим. Приходится присутствовать и давать пояснения.

Ко мне подошла Фёкла и, поздоровавшись, сообщила о результатах произведённого опроса:

– Соня! Мне тут люди сказали, что Пермь – не какое-то место, а народ, живущий по Каме.

Надо же, я-то думал, что столица Пермского края не попала на карту из-за упущения русских картографов, а выходит, её ещё не основали.

– Герр Питер! Позволь представить тебе капитана гидрографического судна твоего величества «Пескарь» Фёклу Силовну Рубанкину. Фёкла! Пред тобой государь всея Руси Пётр Алексеевич Романов.

Девушка отвесила поясной поклон и теперь ела глазами начальство.

– А что, Софья Джонатановна, много ли ещё в этих краях капитан-девиц? – ухмыльнулся государь, вытирая руки тряпицей.

– Нет. Мало их. А жаль, потому что с Ивашкой Хмельницким они дружбы не водят, оттого всегда в своём разуме. А хоть море, хоть река небрежения к себе не прощают.

– Покажи мне твоего «Пескаря».

Да что взять с юноши, у которого возраст «хочу всё знать» в самом разгаре!

Причальная команда принимала с борта пустые бочки из-под скипидара и подавала канистры с берёзовым конденсатом. На берегу ждали очереди и бочки сырой нефти. Пётр пособил ворочать тяжести, поскольку энергия в нём просто бурлила, а потом завис в обсерваторном отсеке, занимающем крышу кабины, которая тут на весь корпус. Из-за применения здесь винтового привода двигатель установлен в носу, отчего сюда же вынесено и рулевое управление, и отсюда в корму наклонно тянется гребной вал, проходящий сквозь дейдвуд. Задняя часть

надстройки наполнена бочками с горючим, а через люк в потолке проводятся астрономические наблюдения и съёмка местности.

Компас, угломер-дальномер, на полочке под рукой – вполне уже осмысленно сделанный секстант и компактная ручная буссоль. Часы, барометр и термометр до кучи. Всё это пристроено во вращающейся башенке, и всё вызывает одни сплошные вопросы. Отвечать на большинство из них приходится Люси, отучившийся в школе не меньше четырёх лет. Ещё не профессор, но девица осведомлённая. Переводит Лиза, поскольку словарный запас у нашей астрономички пока далеко не полный.

– Вы чего так отстали? – спрашиваю у Фёклы.

– Всяко быстрее других бежим, так что нагоним. Дважды вставали взять ночную луну да карту голландскую уточняли: река ведь живая, где-то намыла, а где и промыла. Государь-то теперь куда направляется?

– Сама хотела бы знать, – вздохнул я за Софочку. – С Консуэллою утром я передала капитану Коллинз просьбу не торопиться с убытием, пока царь не определится, чего он желает. Ведь ни у химиков пока не был, ни у керамиков. И ладно бы один приехал, а то ведь целая толпа за ним по пятам таскается.

– Я всех отослал, – вмешался Пётр, расслышавший мои сетования. – Один Мишка Матюшкин не отстаёт, – кивнул он на паренька, что увязался за ним в кузницу. Он и сюда тоже увязался. – А ты, Фёкла, поскольку капитан, обращайся к мне в точности так, как капитан Корн – герр Питер. Что это за флаг? – показал он на полотнище, поднятое на флагштоке.

– Для кораблей твоих, – вмешалась Софи. – Принят был при постройке пинаса «Орёл», что предназначался к плаванию по морю Каспийскому.

– Пинас «Орёл». Где он сейчас?

– Или сгнил, или сгорел – не ведаю. Это давно было, до моего рождения, – отбоярилась Софочка. – Сестрица твоя его видела, ещё ребёнком будучи. И пинас, и флаг на нём. Государь, – поспешила она сменить тему, – отпустил бы ты «Пескарь» в поход. Задание ведь у них, каковое этим летом непременно исполнить нужно. А приборы навигаторские я тебе покажу на «Леще», когда ты на нём в Архангельск пойдёшь. Там они в точности такие же. Поработаешь с ними собственноручно, судном править станешь. Тебя мигом научат.

Пётр перевёл взгляд на Лизавету, которая чуть заметно кивнула. Кажется, у ребят образуется свой сигнальный язык. Вообще-то Лиззи не то чтобы писаная красавица, скорее няша. Но она крепкая няша, статная и силушкой не обделённая. А уж зелёный мундир сидит на ней вовсе не мешковато. Да, фрейлина Уокер – преображенка, то есть числится в потешном войске. Надо же, сколько перемен всего за полгода!

* * *

Пришлось составлять для государя план экскурсий и согласовывать список сопровождающих его лиц, потому что «Лещ» способен принять на борт не более трёх тонн бояр, окольных, стольников и стряпчих – если уложить их штабелем. А по-человечески, кроме трёх членов экипажа и главного пассажира, без чрезмерной тесноты в кабину поместятся от силы шестеро: «Лещ» – шестиметровая лодка, треть длины которой занимают мотор и колёса, с рубкой поверх машинного отделения.

Царский же «поезд» состоит из трёх немаленьких стругов, в каждом из которых одних гребцов по двадцать четыре человека. А ещё и бояре всех калибров, да каждый со свитой, да царская челядь, да охрана – сотни полторы-две народа.

Петра они тоже тяготят и раздражают. А какие бури бушевали, когда обсуждался вопрос о составе экипажей двух семитонных винтовых карбасов, способных не сильно отстать от колёсной плоскодонки! К счастью, нам с Софи не довелось присутствовать при проведении этой

дискуссии: мы знакомили государя с Горшечником и Горшечницей. И сами знакомились с их трудами.

Начали с главного – производства абразивных дисков. Козлотокарные станки у нас по-прежнему в ходу, потому что крупные детали вращения обрабатывать нужно. Точить резцы и пилы, обрабатывать отливки – да не упомнишь всего. Потом перешли к конструкции печей и к неудачным попыткам сварить стекло. К подбору глины, необходимой для производства цемента, если прокалить её в смеси с известняком. К конструкции мельниц и дробилок.

Я умышленно произвёл массивную атаку на разум юноши, давая ему понять, сколь многообразны возможности столь привычного направления, как лепка и обжиг горшков. И насколько глубокого понимания требуют процессы, используемые для производства непритязательных с виду вещичек. Тут ведь даже вращающийся металлический цилиндр приспособлен для получения цемента – неудавшийся ствол 122-миллиметровки, прилаженный наклонно над углями.

Цемент получается так себе, отчего труды по уточнению рецептуры не завершены. А из результатов опытов отливают плитки, которыми мостят дорожки. Каждая плитка несёт на себе цифру – номер замеса. Испытания продолжаются уже в натуральных условиях.

И тут, разглядывая вымощенный участок подворья при входе в трапезную, Пётр увидел группу разновозрастных детей обоего пола с разной утварью в руках, выходящих из здания школы. Увязался за ними.

И пришли мы в лес, где под густыми ёлками сохранилось немного слежавшегося снега. Тут и выяснилось, что ребяташки здесь не без присмотра, потому что привёл их профессор Дин – школяр мой из второго ипсвичского приёма. Поначалу-то этого видно не было, потому что одеты все одинаково – в добротное чёрное сукно. Разница лишь в том, что девочки в юбках.

Утвердили принесённый с собой столик, расставили на нём утварь, разожгли жаровню и бухнули в установленный над огнём сосуд вырубленный из снега кусок льда. Это урок об агрегатных состояниях вещества?

Лёд стал плавиться, и в образовавшуюся воду погрузили термометр. Всем дали посмотреть. Царю тоже. Мы с Лизой отгоняли охранников, чтобы те ребят не затоптали. Вмешался Дин, построил мужиков в очередь. Два раза добавили льда. Потом все дружно ждали начала кипения, а ученики громко сообщали, какая сейчас температура. Профессор их данные поправлял: не все сразу освоились со шкалой. Не будем забывать, что перед нами первоклассники, пусть иным давно идёт второй десяток лет.

Температуру кипения тоже посмотрели все, после чего над водой установили золотую тарелку. Ту самую, с которой я в своё время демонстрировал этот опыт в Ипсвиче. В саму тарелку положили снега, а на дне наблюдали конденсировавшуюся воду. Потом сосуд закрыли крышкой, которая принялась приплясывать. Всё это сопровождалось объяснениями – общеизвестные явления описывались в научном разрезе. А после открытия крышки и появления клуба пара, преподаватель обратил внимание учеников на плывущие по небу облака. Разговор зашёл о круговороте воды в природе. Признаться, от столь наглядно и изобретательно проведённого урока даже я прибалдел.

Уже на обратном пути Пётр поинтересовался, кто эти дети.

– Сироты, – ответил Дин. – Оттого и одеты одинаково. Живут при дворе и стоят на довольствии по нормам плавсостава.

– При дворе? – изумился один из охранников.

– При лодочном дворе, – исправился профессор, уловивший двусмысленность сказанного. – Батюшка тутошний за них попросил. А Сила Андреич решил принять, потому как, говорит, люди – ценнейший ресурс. Особенно те, кого ещё учить не поздно. Эм-м, ваше величество, а пошто ты в моторную лабораторию не зашёл?

– Послезавтра после завершения уроков в школе заглянет. Завтра у нас по плану экскурсия в лодочный сарай, это на весь день. Потом с утра государь будет прокаливать известняк, а там и к мотористам нагрянем.

– Эх ты всё за меня распланировала, Джонатановна, – хмыкнул Пётр. – Ладно, веди как наметила. Занятно тут у тебя.

* * *

Прибыл Строганов и на добрых два часа занял Петра разговором с глазу на глаз.

– К Софье его направил, – отчитался государь, едва мы проводили «дядю Гришу». – Недосуг мне вникать во все эти деньги и земли. Лизавета! А ты чего молчишь? Всегда ведь говорила, что мне должно во всём самому разобраться.

– И разберёшься, когда время наступит, – покладисто откликнулась Рисовальщица. – А пока пушай сестрица потрудится. Она у тебя горазда по хозяйству. Самое бабское это дело. А монархи нынче всё больше войнами занимаются. Чем успешней они на поле брани, тем больше уважения. Папенька твой премного мудр был, с младых ногтей приставив тя к изучению дела ратного.

Глава 11. Сумбурная

Принимать царя оказалось не столько хлопотно, сколько тяжело психологически. Не хлопотно потому, что в быту он придерживался спартанских привычек. До какой-то меры, естественно. А тяжело из-за того, что он сам себя считал «Золушкой» – униженным и оскорблённым сиротой, шпыняемым сестрой Софьей, по праву сильного завладевшей его «хрустальной туфелькой» – скипетром и державой. Шесть лет материнских комментариев сначала для ребёнка, потом подростка, а теперь уже юноши сделали Петра злой «Золушкой».

Доводы разума, которые неустанно приводила Лизавета, он слышал. Но гнев обиженного юнца пылал в его сердце. Быть «младшим» царём! И как только додумались до этого! Притом что «старший» царь вял и безразличен: хворый он. Да и сама Софья Алексеевна тоже хороша – присвоила себе титул самодержицы, явно метя и далее править.

Юный государь не глуп. Уж я-то знаю, что человек он жестокий, что ненавидит и боится стрельцов, однако особо сильного пристрастия ко всему иноземному пока не проявляет. Это и понятно: не побывав на уютных улочках Амстердама, он лишь понаслышке представляет себе, сколь иначе живут в Европе. Не то чтобы я был приверженцем всего европейского, но мощёные мостовые лучше раскисшей земли под ногами. Да и спокойствие, с которым держатся свободные люди, воспринимается приятней, чем раболепство холопов и крепостных.

С другой стороны, вымостить или заасфальтировать бесконечные дороги необъятной страны просто невыносимо, а изменить психологию миллионов людей – дело медленное, требующее смены не одного поколения. Делается это, в принципе, просто – за счёт просвещения. Однако просвещать – адская работа. Я этого сполна вкусил. Люди с педагогическим даром на деревьях не растут. Тот же Дин стал для меня неожиданным и очень приятным открытием.

* * *

Уговорить царя покинуть, наконец, мастерские удалось только после примерки первой строящейся на лодочном дворе баржи к количеству помещающихся в неё бойцов. На четырёх продольно расположенных лавках поместились ровно сорок четыре рыла, повернувшись лицами друг к другу. В принципе, можно было бы и плотнее набить, но людям ведь здесь несколько суток ехать. А так получилось в меру тесно. Про просторность тут даже заикаться не следует, нету её и в помине.

Поняв, как разместятся его потешные, Пётр более-менее успокоился. Получил заверения в том, что двадцать пять таких судёнышек у нас к следующему лету будут, и продолжил поездку в Архангельск, как и планировалась первоначально.

Рулить он попробовал и быстро освоил это немудрёное дело. Но не все же семьсот вёрст править ходом лодки! Жизнь на идущем по маршруту судне довольно однообразна. К счастью, вниз по течению да на хорошей скорости до конечного пункта добрались мы буквально за считанные дни, сделав пару остановок для ночлега на берегу, где идущие вместе с нами на двух моторных карбасах придворные сполна обслужили и государя, и остальных присутствующих.

Завернули в Холмогоры, где балом правил воевода, не перебравшийся пока в Архангельск. Осмотрели строящийся кирпичный собор. К остальным разговорам о здешних достижениях и великих свершениях ни я, ни Софи не стремились, да и не звал нас никто.

В Архангельске узнали, что Фёдор в Мангазею пока не ушёл: рано ещё для этого, потому что льды вряд ли отошли от берегов или растаяли. Посоветовали ему поостеречься соваться туда, а то нас предупредили, чтобы не вздумали. То есть, судя по всему, приглядывают тут за тем, кто куда ходит. Потом – осмотр корабельного двора, поездка на «Энтони» до Соловков,

знакомство с монастырём. Для меня это была просто познавательная экскурсия, а с Петром отцы святые крепко поговорили. О чём, не ведаю.

В этой череде обязательных действий как-то потихоньку у нас с Софочкой начала складываться концепция военного корабля для охраны северных пределов России, то есть рассчитанного на какую-никакую ледовую обстановку – с корпусом полукруглого сечения, чтобы лёд при сжатии выталкивал его. Профиль срисовали с коча.

Тем временем в Архангельске «поспела» и восьмая баржа, на которой государя и отправили домой через сухой волок. Понятно, что ушла она без полезной нагрузки, с царём и свитой, да и то не все желающие в неё поместились. Разумеется, честь сопровождать честную компанию выпала «Лещу» и тем же двум моторным карбасам, куда поместились почти все сопровождающие царя лица.

Волок с деревянно-рельсовой двухколейкой Петру понравился. Он с интересом наблюдал за тем, как по наклонным направляющим из воды вытягивается на тележки пустая баржа. Сам принялся толкать её по суше и приближённых заставил: тут ведь полдороги вверх по склону. Даже задержался на целые сутки. Смотрел, как разгружают подошедшее с Нижнего Новгорода точно такое же судно, как лошадки возят тележки с мешками и тюками: одни – туда, другие – оттуда. Хлеб прошлогоднего урожая – в амбар, а тюки – на борт.

Далее был петляющий путь до Костромы, потом по Волге до реки Дубны, из неё в реку Сестру, а там и в Яхрому, вверх по которой и по её притоку мы добежали до волока, ведущего в Клязьму, откуда, говорят, можно перетащить в Язу, протекающую уже мимо Преображенского и Кукуя. Здесь делегацию ждали присланные из столицы лошади и экипажи, а «Лещ» и прошедшую ходовые испытания новую баржу отпустили восвояси.

Собственно баржа сразу двинулась в обратный путь к Волге, чтобы отправиться в Нижний Новгород за нефтью или взять другие грузы, какие найдёт, до Архангельска. А мы осмотрели волок, прикидывая, как его ловчее оборудовать: тут короткая дорога к столице, да и до Владимира можно добраться по Клязьме. Но особо задерживаться не стали. Возвращаясь по Яхроме, остановились в Дмитрове, где никакого попутного груза не отыскивали. Так и побежали домой налегке. Зато сделали целых четыре наблюдения: ясные дни и лунные ночи позволили нам чётко взять координаты волока в Клязьму, Дмитрова, устья Дубны и города Костромы, который мы с интересом рассмотрели. В общем-то обычная, теряющая оборонительное значение крепость.

Май и июнь, таким образом, мы ухлопали. Зато в Архангельск вернулся папин флейт и привёз и отца, и матушку, и сестрицу Кэти. С ними прибыл и наш Пушкарь. Привезли они много рома, умеренно много нефти, часть пушек, хранившихся на дедушкиной гасиенде, и десятки бочек каучукового молочка.

На воду спустили девятую баржу: заложенный Иваном на просушку лес более-менее «дошёл», а процедура сборки этих немудрёных плоскодонок была отработана. Не скажу, что у нас налажился конвейер, но постройка речного флота шла ритмично и даже поддавалась планированию.

Вернулся караван из Соликамска и снова ушёл обратно с полным грузом в две тысячи сто пудов. Кажется, можно будет за навигацию делать и три рейса. Вернулся и «Энтони». Он теперь ходит под русским флагом: хитрюга Мэри подняла его, когда везла государя на Соловки, да так и оставила в постоянном пользовании. Хотя может и английский поднять, это смотря по обстоятельствам. Натура у неё творческая и предприимчивая. Поэтому она нынче побывала в Кадисе с тридцатью тоннами смолы. В роли хозяйки груза выступала Консуэлла, владеющая испанским. Сама эта смола у нас вытапливается из дров при выгонке скипидара, и накопилось её просто жуть как много.

На обратном пути капитан Коллинз заглянула в родные края, откуда привезла вести, что никаких особых происшествий в Англии не произошло, если не считать нарастающего недо-

вольства деятельностью Якоба II. Привезла она Гарри Смита и Аптекаря с целой кучей склянок и томами рукописных трудов. Ещё с Аптекарем прибыла юная девушка, умеющая носить и брюки, и университетскую мантию. Оба молодых человека называли её просто «леди», не упоминая имени. Хорошо, что не «миледи».

Сумбурным выдалось это лето. Отец взял новый груз до Амстердама и снова отправился в рейс. Мэри приняла товары до Антверпена и ушла, увезя в Европу своего первого лейтенанта Ричарда Клейтона, отчего моя реципиентка взгрустнула. Здесь, в Архангельске, работники из местных собирали простенькие корытца по хорошо отработанному образцу и подобию. Лесопилка гнала километры листовенных брусьев для использования в качестве рельсов. Кузница гвоздила гвозди и повторяла штука за штукой шестидюймовые моторы, где-то по одному в месяц.

* * *

– Говорят, будто тебе лоцманы речные потребны, – обратился к Софи средних лет дядечка. – А если со своей ватагой? И с баркой?

– Не знаю, не пробовала, – пожала плечами моя реципиентка. – Однако всё когда-нибудь случается в первый раз. Показывай ватагу и барку.

Судно и его команда нашлись у необорудованного берега чуть выше порта. Дюжие мужики и неладно скроенное, но крепко сшитое плоскодонное сооружение с высокими бортами и просторным чревом.

Софи поздоровалась с людьми и спросила, почему вдруг они решили прибиться к ней.

– Так падают цены на перевозки. Твои-то барки и везут быстрее, и берёте вы дешевле. А нам – хоть пропадай, – за всех ответил всё тот же лоцман, который явно тут верховодит.

Судя по всему, покачнули мы местный рынок транспортных услуг.

– Сколь груза вы за один раз перевозите? – спросил я, уже прикинув на глазок.

– Две тысячи пудов.

Так и есть, около тридцати тонн.

– Ждите здесь. Пришлю своего человека, он скажет, что делать.

Дело в том, что у нас имеется довольно мощный колёсный буксир, который к тасканию барок мы так и не применили. Предлагали спервоначалу таким же группам, гонящим суда с товарами, за умеренную плату дотащить их до Вологды, но как-то в цене не сошлись. А тут отличный случай попробовать. Тем более что моторист на этом буксире опытный. Он же и рулевой изрядный: брёвна из Двины в нашу протоку таскает, а то и целые плоты, если они не чересчур велики.

Так и прибилась к нам ещё одна бурлацкая ватага, в первый раз с искусным судоводителем и знатоком реки. Потом и ещё две по похожему сценарию подтянулись: слухами земля полнится. Но и апологеты бурлацкой лямки сохранили свою независимость и традиционные приёмы труда. Зато нам удалось оставить на регулярных маршрутах по Двине – Сухоне – Вологде только одну остроносую самоходную баржу, которая теперь стала наполовину пассажирской, а тупоносую задействовать на пути через сухой волок с нашей, северной стороны.

* * *

Ажиотаж вокруг открывшейся возможности самим возить товары в Европу как-то поутих среди русского купечества, то есть возможности флейта и шхуны удовлетворили спрос на эту услугу. Сформировалась клиентура, наладились постоянные контакты, и устаканилась номенклатура товаров. Интерес, всколыхнувшись на какое-то время, успокоился. Словно болото, которое кто-то ненадолго взмутил. Люди ко всему привыкают.

Наши баржи множились и поочередно переходили в бассейн Волги, где возили что угодно по любым маршрутам. Место для их зимовки хотелось устроить в устье реки Белой – левого притока Камы. Построить слипы, возвести казармы. Нашим тонкостенным корытцам вмерзать в лёд противопоказано, и морозы на них действуют не благотворно. Любой, кто слышал, как трещат в лютые холода деревья, меня отлично поймёт. Структура древесины от этого повреждается, что создаёт предпосылки для образования гнили.

Как это не раз уже бывало, период уныния быстро прошёл: Софи отправилась в Соликамск искать проводника до этой реки. Припоминаю: красивейшие места. Крутые обрывы или участки низменного берега – там просто волшебные пейзажи, заслуживающие кисти лучшего художника. Нас бы устроил укромный мелководный затон в полудюжине вёрст от Камы.

– Там башкирские земли, – рассказал нам человек осведомлённый. – По договору с царём эта земля принадлежит им в обмен на службу в немирное время. Чужаков они не привечают, кроме купцов. Их пытались теснить острогами, слободами или храмы христианские возводить, так восставали те башкиры, да так сильно, что приходилось опять на уступки им идти.

Понятно, что без подготовки в подобные места соваться не следует. Поэтому выбор пал на окрестности города Муром, что стоит на Оке. Поговаривают, будто на левом берегу там имеются просторные заводы, которые с реки не на виду. Речь ведь идёт о скрытном накоплении большого количества транспортных средств перед планируемой переброской войск к Азову.

Пока дошли от Соликамска до Мурома, сообразили, что собирать флотилию на Белой было бы чересчур далеко от места планируемых событий. Ни к чему будет эта лишняя тысяча вёрст. А потом нам с Софи пришлось серьёзно заняться комплектованием нового лодочного двора, предназначенного для зимнего хранения плавсредств и их поправки. Такие намерения мы декларировали у городского руководства, заодно показав и грамотку от царевны Софьи. Проблем не возникло.

Глава 12. Азов

«Как во славном во городе во Муроме, как во том-то селе-то Карачарове», – так началась сказка об Илье Муромце, которую я читал в детстве. Нынче, в конце тысяча шестьсот восемьдесят восьмого года Карачарово никакое не село. В этой деревеньке, раскинувшейся на противоположной от Мурома стороне Оки нет и десятка домов. И нет церкви.

Вместо Ильи здесь поселился Степан – плотник, когда-то показавший нам с Софи, где в сосновом бревне расположена ядрень. Прижился он на корабельном дворе и сделался авторитетом в вопросах строения наших плоскодонок. Прибыл с командой плотников сюда, к протоке, отделённой островом от Оки, для устройства на зимовку флотилии, предназначенной к перевозке потешного войска в низовья Дона.

Как и говаривал кто-то из вождей двадцатого века, кадры решают всё. Оттого-то Софи так и ценит людей инициативных и распорядительных, прощая им алчность и иные прегрешения. Исключительно потому, что справляются они с самой сложной работой – организационной.

Убедившись, что дела тут налаживаются, мы направились в Москву-реку и приток её Язу, где пристали к берегу у Кукуя. На месте деревянного домишка, в котором когда-то оставили Лизавету, теперь высилось кирпичное строение, где было далеко не тесно и уже проживала миссис Корн с дочерью Кэти. Наша младшенькая сильно выросла, хотя маменька по-прежнему молода и красива. Она изредка устраивает приёмы, на которых бывает даже государь.

А Софи наезжает в Преображенское, где частенько проходят совещания насчёт того, как брать Азов, и, главное, что потом с ним делать. В потешные за последнее время поступило много людей, среди которых имеются и военачальники с боевым опытом, в том числе и с прошлогодней кампании.

– Из Оки рекой Упа имеется путь к Туле, – докладывает Фёкла Рубанкина результаты проведённого осмотра местности. – Потом по реке Шат есть ход в Иваново озеро, откуда и берёт своё начало Дон. Летом и Шат, и Дон – мелководные каналы, где и воробью по колено. Но наши баржи пройдут, если разгрузить их и тащить лямкой. Берега плотные, человек не увязнет. Не больше десятка вёрст посуху, а дальше уже водой.

– Мы весной выходим, когда вода стоит высоко, – отмечает один из преображенцев.

– Чем выше вода, тем меньше переть пешкодралом, – высовываюсь я. – Но промывочное судно и тележки для устройства волока будут при нас. Брусья дорожные тоже наготовлены, их доставят на место прямо к началу операции. Хочу обратить внимание присутствующих на стратегическую важность сохранения лесов в месте этого перехода. Именно деревья и кусты держат воду, питающую столь скудные водоёмы. Объявил бы ты, герр Питер те места природным заповедником и стражу приставил.

Пётр сделал пометку на листе бумаги и сменил тему: настал черёд обсуждения привлечения к делу войска Донского, без участия которого этот номер не пройдёт.

* * *

Поход начался уже после того, как Василий Голицын двинул армию к Перекопу. Три десятка барж, следуя каждая со своей скоростью, поднялись вверх по Язу и приняли по плутонгу преображенцев – по четыре капральства из одиннадцати человек каждое. Да, возможности транспорта продиктовали структуру подразделений. К счастью, сорок четыре человека с амуницией весят всего четыре с половиной тонны, поэтому вместимости плоскодонок хватило

и на припасы, котлы и иное воинское имущество. Недаром зимой проходили тренировки по погрузке-выгрузке, после которых судно, служившее наглядным пособием, встало в ремонт.

По нынешним временам посудинки, бегущие по восемь километров в час против течения – просто ураган. И бегут они весь световой день. Река Шат, как и ожидали, оказалась проходима даже при осадке в полный аршин, как и подпитанные талой водой верховья Дона. Едва русло достаточно расширилось, весь караван собрали в кучу и связали буксирными концами последовательно, чтобы подтянуть отстающих и придержать самых быстрых – разблюдовку по скоростям мы провели ещё в Оке.

Так и гнали, переключив редукторы на повышенные обороты гребных колёс и не жалея горючего: на этом этапе была важна стремительность, положенная в залог внезапности. Если противник и присматривает за делами в России, то для него мы пока за многие сотни вёрст. В то время как мы вовсе не там, а уже тут. Наша скорость выше, чем среднесуточная даже для конницы.

Донцы встретили нас в условленном месте и провели караван узким ериком в обход сторожевых постов, расположенных по обеим сторонам основного русла. К пристани Азова мы прибыли среди бела дня. Баржа за баржей причаливали носом к берегу, и с каждой прямо к распахнутым воротам крепости устремлялись цепочки солдат в зелёных мундирах.

Две баржи с воды лупили по этим самым воротам из трёхдюймовок бомбическими снарядами, мешая страже их закрыть. Но едва в прицелах замаячили набежавшие преображенцы, огонь прекратили и обратили взоры на турецкие корабли, стоящие у берега ниже по течению. Активность на них была еле заметна: мы свалились неприятелю как снег на голову.

Правее крепости появились конные – кажется, это казаки подросли. Ну да у каждого своё дело. Мы прошли картечью по палубам двух турецких кораблей, почти не нанеся неприятелю урона. Похоже, экипажи в основном на берегу. Так что ведро нефти, факел – и скорее в сторонку.

Как дрались внутри крепости и как проходил грабёж, мы с реки не видели. Наше дело – извоз и поддержание в исправности матчасти. Плавсредства отошли от берега и встали на якоря под защитой обеих канонерских барж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.